

Александр Адабашьян
Анна Чернакова

Хрустальный ключ,
или
**ЖИЛИ-
БЫЛИ
МЫ**

Анна Чернакова

**Хрустальный ключ,
или Жили-были мы**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

Чернакова А. Э.

Хрустальный ключ, или Жили-были мы / А. Э. Чернакова —
«АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-098783-2

Эта удивительная повесть про путешествие во времени одного современного русского мальчика принадлежит перу известного сценариста, художника и актёра Александра Адабашьяна (сценарист: «Несколько дней из жизни Обломова», «Неоконченная пьеса для механического пианино»; художник-постановщик: «Раба любви», «Свой среди чужих, чужой среди своих» и др.) и режиссёра Анны Чернаковой. Герой повести попадает в прошлое своей семьи и по мере развития событий углубляется всё дальше и дальше во тьму веков, оказываясь в конце пути в XIV веке у своего пра-пра-пра-пра... – деда. Множество приключений пришлось пережить Тёме, чтобы не погибли его предки и не разрушилась его собственная семья. И хотя, начиная своё путешествие, мальчик знает о том, какая перед ним стоит задача, – только к самому финалу он начинает осознавать, какую ответственность взвалил на свою легкомысленную голову. А. Адабашьян и А. Чернакова сняли по своей повести «Хрустальный ключ» фильм и назвали его «Жили-были мы». Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-098783-2

© Чернакова А. Э., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвёртая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	40
Глава седьмая	51
Глава восьмая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Адабашьян, Анна Чернакова **Хрустальный ключ, или Жили-были мы**

© Адабашьян А. А., 2017

© Чернакова А. Э., 2017

© Илл., Адабашьян А. А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Дорогие читатели – взрослые и не очень, большие и маленькие!

Это наша первая книжка. Вообще-то, мы работаем в кино. Мы – это Александр Адабашьян, художник и сценарист, и Анна Чернакова – режиссёр. И эта книжка начиналась как замысел для детского фильма-сказки. Нам очень хотелось придумать историю, которая была бы интересна детям и их родителям и где героем был бы сегодняшний мальчик, живущий в небольшом российском городке. И чтобы мальчик был непослушным, плохо учился в школе, обижал младшую сестрёнку и совсем не любил наводить порядок и делать уроки. Потому что, если бы наш герой Тёма с самого начала был круглым отличником, слушался старших, помогал младшим, знал назубок, кто такой Пётр Первый, кто построил особняк Белосельских-Белозерских на набережной Фонтанки в Петербурге и что такое «скарафаджо», – никакую сказку рассказывать было бы не за чем. Потом, мы не очень верим, что слушаться старших – это всегда правильно. Например, если слушаться такого типа, как злодей граф Мовэ, то это может грозить самыми неприятными последствиями. Поэтому мы очень советуем всем читателям держаться с ним осторожно. И не верить всему, что он рассказывает. С другой стороны, иногда бывает очень полезно слушать сверстников, или почти сверстников, как, например, гимназиста Стёпку. Даже если первая встреча с ним закончится дракой. Потому что именно Стёпка первый догадывается, что для того чтобы всё у них с Тёмой получилось, всё сложилось правильно, ни в коем случае нельзя за собой оставлять непрощённые обиды, невыполненные обещания. И хотя из-за этого путь Тёмы и Стёпки к хрустальному ключу становится длиннее, только так можно прийти до цели.

Чтобы разобраться во всех этих сложностях, мы очень советуем детям и родителям читать нашу книжку вместе. Мы так её и назвали: «повесть для семейного чтения вслух». Тогда взрослые могут спросить о том, что они не поняли, у детей, а дети у взрослых. Или вместе рассмотреть иллюстрацию и прочесть примечание внизу страницы, где объясняются необычные слова, например, «парсуна» или «канелюра». А совсем в сложных случаях залезть в толстые книги, которые называются «Энциклопедия», или, на худой конец, в интернет.

Многое, из того, о чём мы рассказываем, произошло давным-давно и случилось на самом деле. Но часто не совсем так, как описано у нас. А иногда и совсем не так! Но пусть читатель сам расследует, что было и чего не было, где правда, а где вымысел. Падал ли Александрийский столп? Что свалилось на голову сэру Исааку Ньютону? Кто приказал, чтобы пушки стреляли варёной репой? Кто изобрёл парашют, и при чём тут спагетти? Как появились часы на Спасской башне Кремля? И кто построил старую церковь в том городе, где вы, наши дорогие читатели, живёте?...

Хорошего вам чтения – и увлекательного путешествия вместе с Тёмой и всеми, кого он встретит на пути.

Александр Адабашьян и Анна Чернакова

P.S. Фильм мы всё-таки тоже сняли. Называется он теперь по-другому: «Жили-были мы». Но злодей Мовэ там тоже есть. И падающий Александрийский столп. А ещё, неожиданно для нас, в эту историю пробрались новые персонажи – шестилетняя девочка Маруся, её папа Серёжа и мама Санька. А что из этого получилось, вы узнаете, когда посмотрите фильм.

Глава первая

На окраине маленького провинциального городка, окружённого хвойным лесом, на берегу неширокой реки стоял каменный дом с деревянным мезонином. В доме была детская, в ней кровать, а в кровати спала рыжая девочка Маша пяти лет. Голова её лежала на большой книжке, которую Маша, видимо, читала на ночь да так и уснула, заложив пальцем страницу.

Старые каминные часы в гостиной пробили пять раз, потом заиграли очень красивую мелодию старинного танца «менуэт». И тогда Маше приснился Звездочёт – в длинном синем балахоне с серебряными звёздами, в круглых очках с длинным носом, с седой козлиной бородой и в высоком островерхом колпаке, отороченном вытертым заячьим мехом.

Звездочёт склонился над девочкой, вытащил из-под её головы книжку.

– Дитя моё! – сказал он скрипучим басом, – не хочешь ли ты сотворить чудо?

Маша проснулась.

– Хочу! – Она соскочила с кровати. Но тут же взглянула на Звездочёта недоверчиво. – А вы мне, что ли, снитесь?

– Ну, типа того, – Звездочёт взял её за руку и повёл за собой.

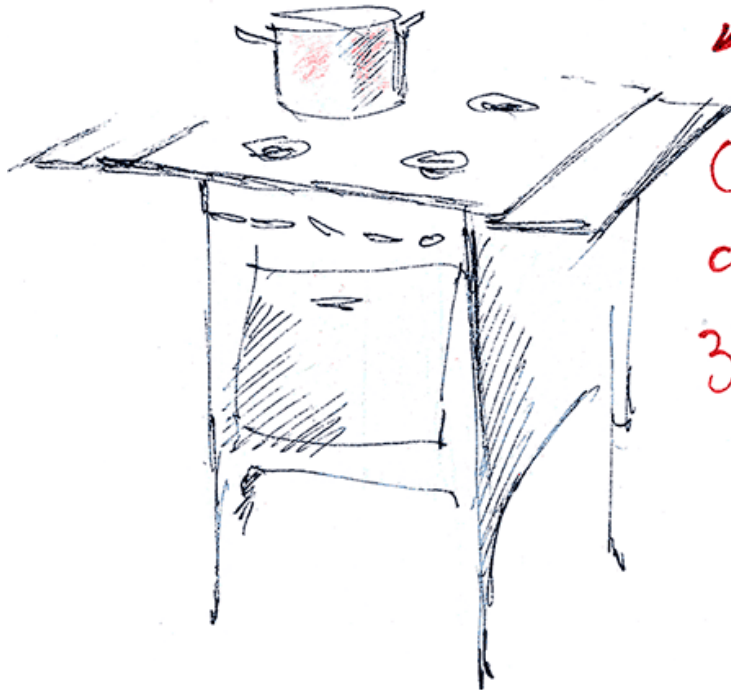
Они на цыпочках прошли по скрипучим половицам коридора – мимо кухни со сверкнувшими кастрюлями на плите, мимо лестницы в мезонин, мимо папиного кабинета... У двери, к

которой был прилеплен большой плакат со знаменитым футболистом Белосельским-Белозерским, Маша остановилась.

Лестница в мезонине →

Кастроля
(ее нужно
запомнить)
↓

← Плита на
кухне.
(ее также
стоит
запомнить)

– Дядя Звездочёт, а можно мы моего брата Тёму с собой возьмём? – спросила она шёпотом.

Звездочёт остановился, закрыл в задумчивости глаза, поднял палец к небу.

– Нет, – объявил он. – К нему нельзя. Ему сейчас снится, что он с Вальтером Скоттом открывает Северный полюс¹. Там очень холодно, а ты вон как одета.

Маша посмотрела на себя – была она в ночной рубашке и в тапочках с кроличьими ушами.

– Лучше мы ему устроим сюрприз, – прошептал Звездочёт, склонившись к её уху.

Сюрприз? Маша захлопала в ладоши – очень тихо, чтобы не разбудить Тёму. Звездочёт приложил палец к губам, осторожно проскользнул в комнату. А вышел оттуда со школьным рюкзаком. Снова приложил палец к губам и поманил Машу за собой.

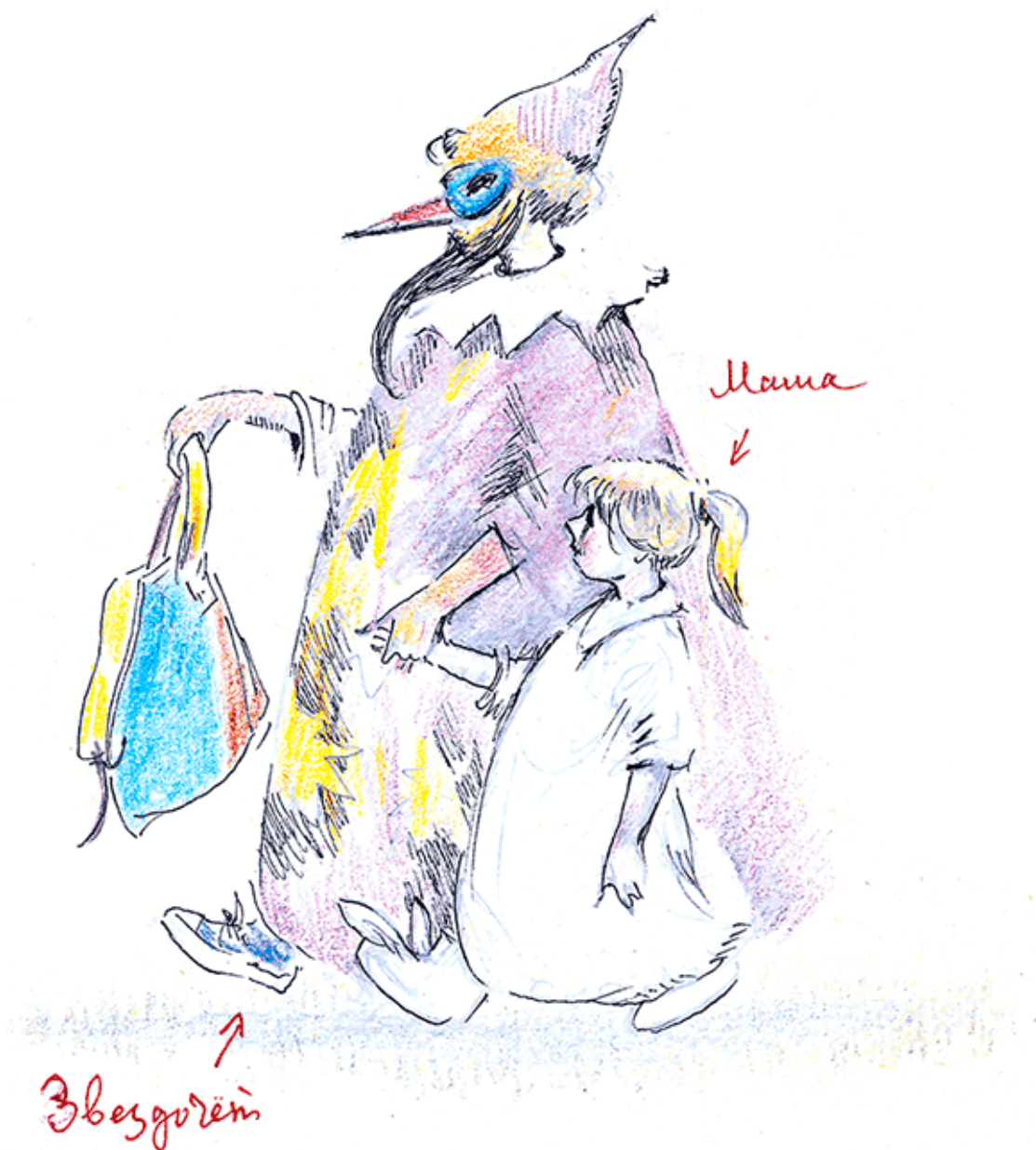
Они спустились по ступенькам крыльца во двор.

Вдалеке, в предрассветном тумане, виднелись силуэты высотных зданий в новом квартале городка, заросший зеленью островок посреди реки и старая церковь в строительных лесах на другом берегу.

Посреди двора рос высокий старый разлапистый вяз, а под ним была устроена детская площадка. Видимо, устроена она была очень давно, когда дети были ещё совсем маленькими.

¹ Звездочёт перепутал. Вальтер Скотт – это знаменитый шотландский писатель, а к полюсу, но только не Северному, а Южному ходил тоже Скотт, но Роберт.

Потом эти дети выросли, у них появились свои, и они тоже подросли, вот от площадки и остались только пустая песочница, старые качели из длинной доски между двумя маленькими столбиками, и турник, на котором дремал пожилой павлин.

Звездочёт воздел руки к небу.

– Скарафаджо! – торжественно произнёс он и поставил рюкзак на качели. – Дитя моё, чтобы сотворить чудо, ты должна разбежаться и прыгнуть на другой край доски.

Маша послушно разбежалась и прыгнула. Рюкзак взлетел вверх и застрял в кроне дерева. Маша перепугалась. Звездочёт погладил её по голове, взял за руку.

– Мы бы могли совершить чудо прямо сейчас, но ты же сама захотела сделать сюрприз брату! Когда он проснётся, вы с ним встанете под вязом. Вместе скажете «скарафажо», ты повернёшь это волшебное колечко... – Он надел ей на палец маленькое чуть кривое колечко. – И из мешка...

– Тёмкиного рюкзак, – поправила Маша, не отводя глаз от колечка.

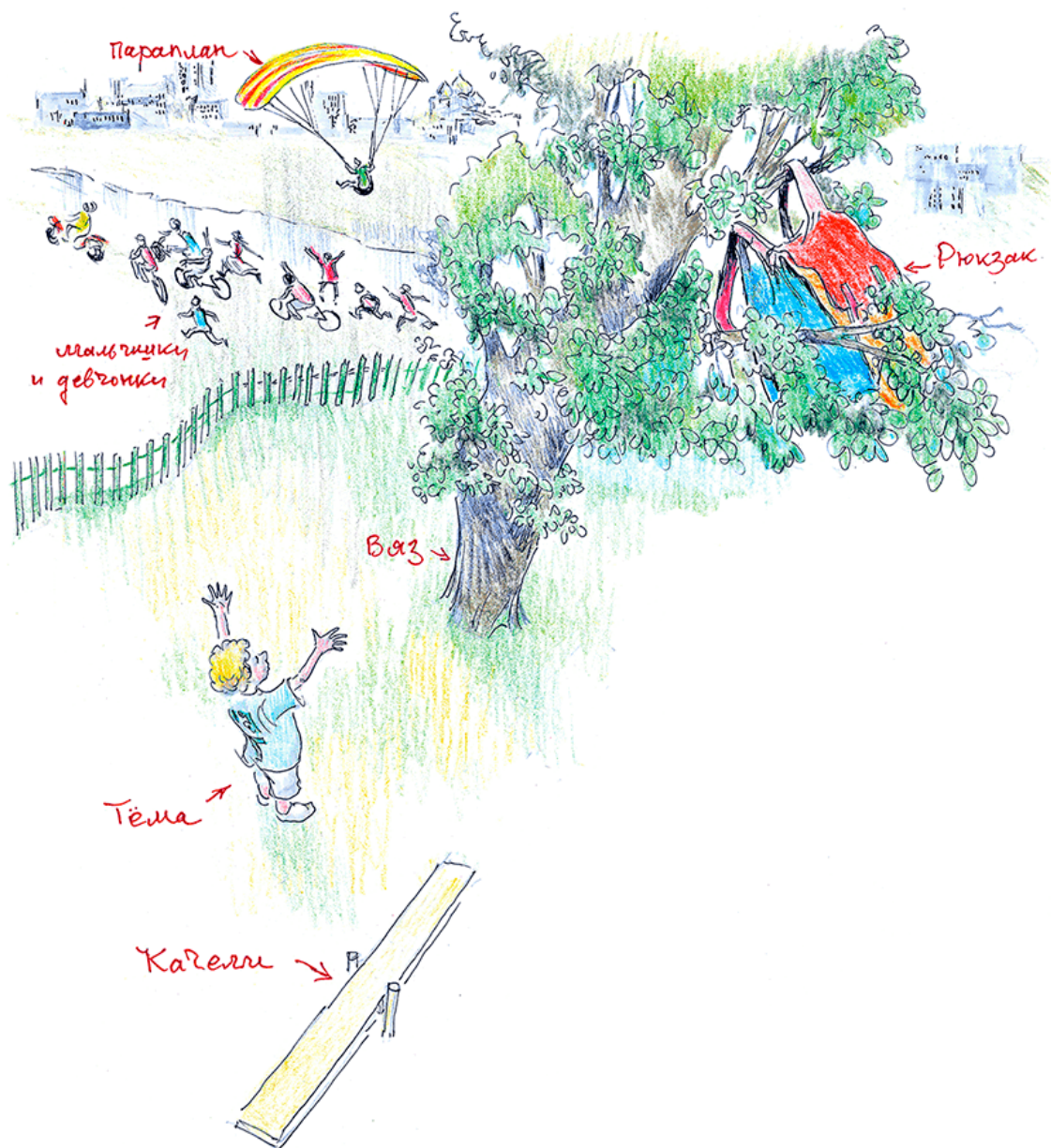
– Не перебивай! Из этого мешка посыплется финики, марципаны... шоколад, орехи в сахаре...

Павлин открыл один изумлённый глаз, разинул клюв, чтобы что-то прокричать, но, встретившись взглядом со Звездочётом, сделал вид, что ничего не слышал, и снова задремал.

Глава вторая

Совсем рассвело. Зазвенели трамваи, заторопились на работу взрослые. Над рекой полетел жёлто-красный парашют, за ним по кособогу с криками промчались мальчишки и девчонки на велосипедах и скутерах.

По улице проехала открытая легковая машина, за рулём которой сидела загорелая блондинка, а на заднем сиденье, высоко подняв загипсованную ногу, ехал травмированный футболист Белосельский-Белозерский.

Во дворе под вязом стоял брат Маши Тёма, рыжий мальчик двенадцати лет, в шортах ниже колен, кроссовках, бейсболке и футболке с номером «7» и буквами «Б-Б», что значило Белосельский-Белозерский. Тёма с горечью объяснял родителям, что больше никогда, никогда не сможет пойти в школу! В рюкзаке, который неизвестно как оказался высоко в ветвях, его

учебники, ручки, карандаши, дневник, роликовые коньки, а, главное, все уроки, приготовленные на неделю вперёд! Он громко всхлипывал от отчаяния.

Старый павлин, клевавший траву в углу двора, настороженно покосился на Тёму и на всякий случай отошёл от дерева подальше.

Маша с гордостью сказала, что это сделала она. А сейчас случится настоящее чудо. Она повернула волшебное колечко, щёлкнула пальцами и произнесла: «Скарафаджо!» Но рюкзак по-прежнему висел на ветке, и не посыпались из него ни марципаны, ни финики.

Мама, нахмурившись, крепко взяла Машу за руку, сдёрнула с её пальца колечко.

– Не кажется ли тебе, что ты слишком мала, чтобы сочинять сказки? Во-первых, это не волшебное кольцо, а петелька от банки, скорее всего, от банки с очень вредным шипучим напитком, который вам категорически запрещено пить!

Она бросила петельку в бурьян у забора. Маша расплакалась, но мама её шлёпнула. Павлин подбежал, клюнул петельку и тут же с отвращением выплюнул.

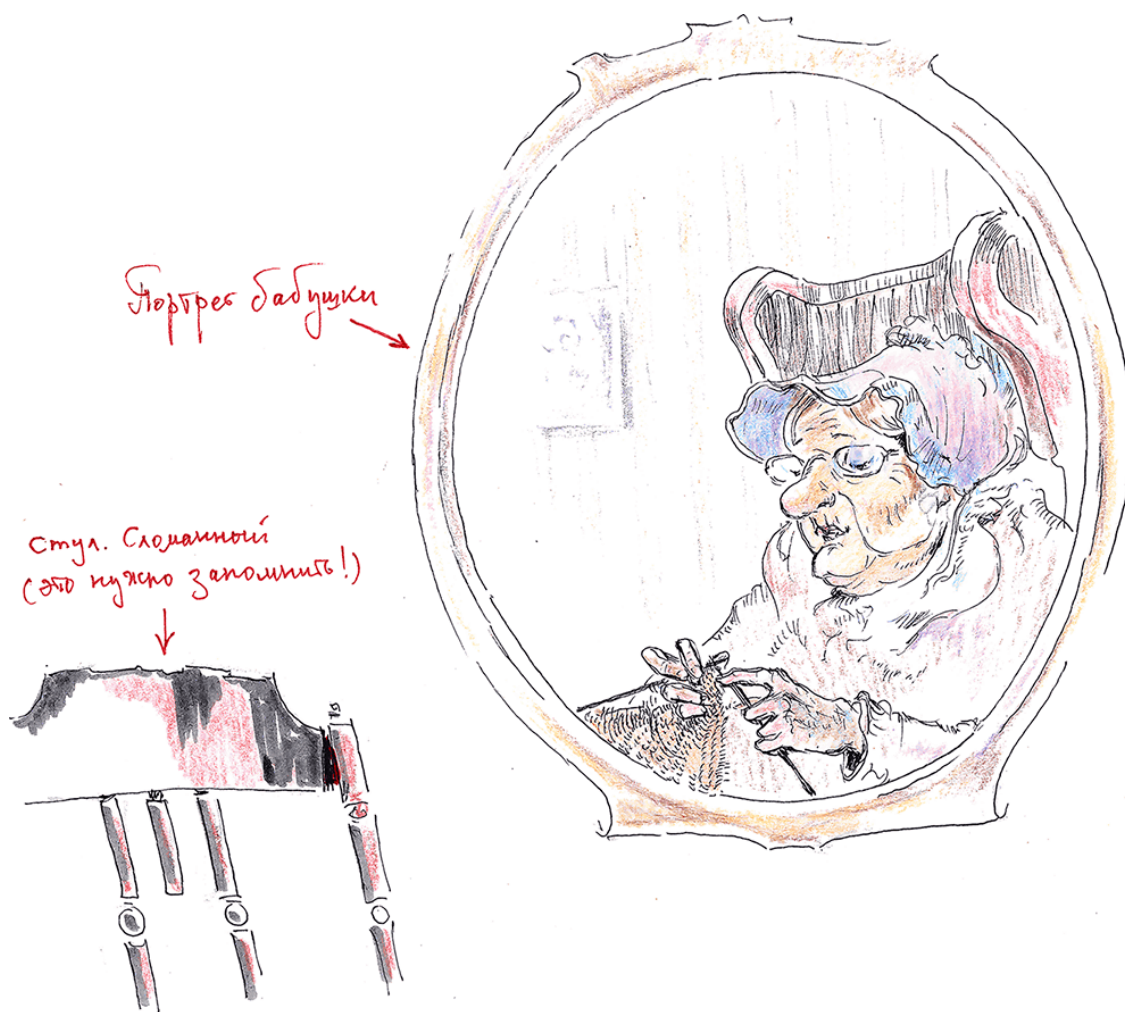
– В этих напитках, – продолжила мама, – как я вам уже неоднократно говорила, содержатся такие вещества, которые не только детям...

– Нет, это не от напитка, – рыдая, перебила её Маша. – Это волшебное! Это мне Звездочёт дал! Теперь чудо не случится никогда! А Звездочёт так здорово всё придумал, с рюкзаком, с марципанами...

Папа молча стоял в стороне. При слове «звездочёт» он нахмурился. Коротко покосился на Тёму. Тот, пригорюнившись, сидел под деревом. Тогда папа посмотрел на павлина. Павлин еле заметно кивнул, потом повернулся и, волоча хвост, неторопливо пошёл к забору.

Мама ещё продолжала объяснять Маше, что так же, как химические вещества калечат печень, ложь калечит душу, – когда папа быстрыми шагами поднялся на крыльцо.

Под лестницей была дверь в чулан, напротив висел старинный фотографический портрет папиной мамы Марии Николаевны, для Маши и Тёмы – бабы Маруси. На портрете она спала в высоком вольтеровском кресле.

Когда папа распахнул дверь чулана, бабушка на портрете проснулась, зевнула и с интересом, вытянув шею, через его плечо заглянула внутрь.

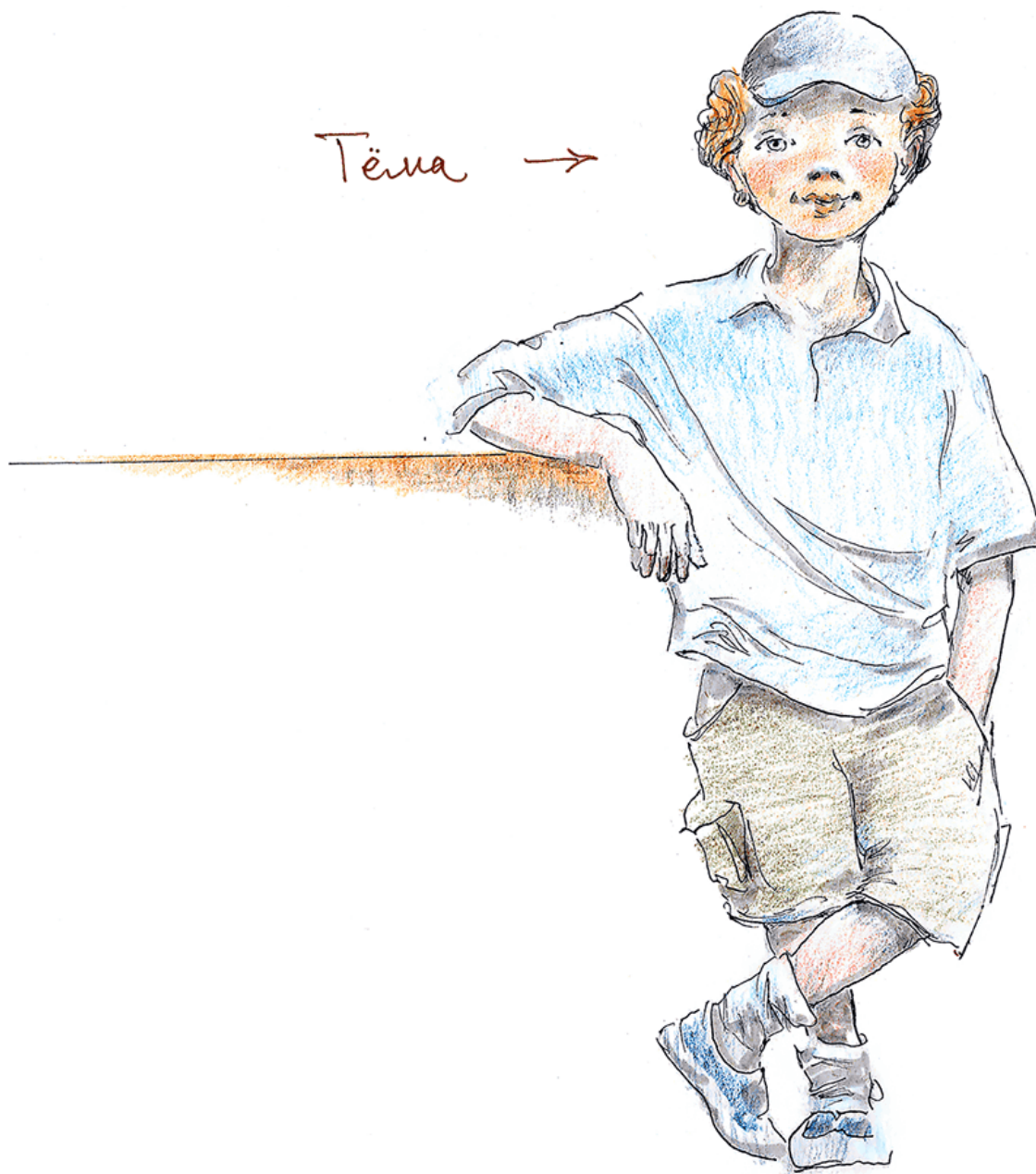
В чулане был страшный беспорядок. Баба Маруся покачала головой. В углу, наспех припрятанный, лежал старый карнавальный костюм Звездочёта с маской, круглыми очками, картонным носом и козлиной бородой. Тут же валялся островерхий колпачок, отороченный мехом. Папа со вздохом поднял костюм. Бабушка тоже вздохнула, но когда папа повернулся, снова замерла в кресле, закрыв глаза.

– Ну, конечно же, ты ничего не видела! – язвительно сказал ей папа. – В любой конфликтной ситуации ты принимаешь его сторону!

Бабушка сделала вид, что не расслышала.

Глава третья

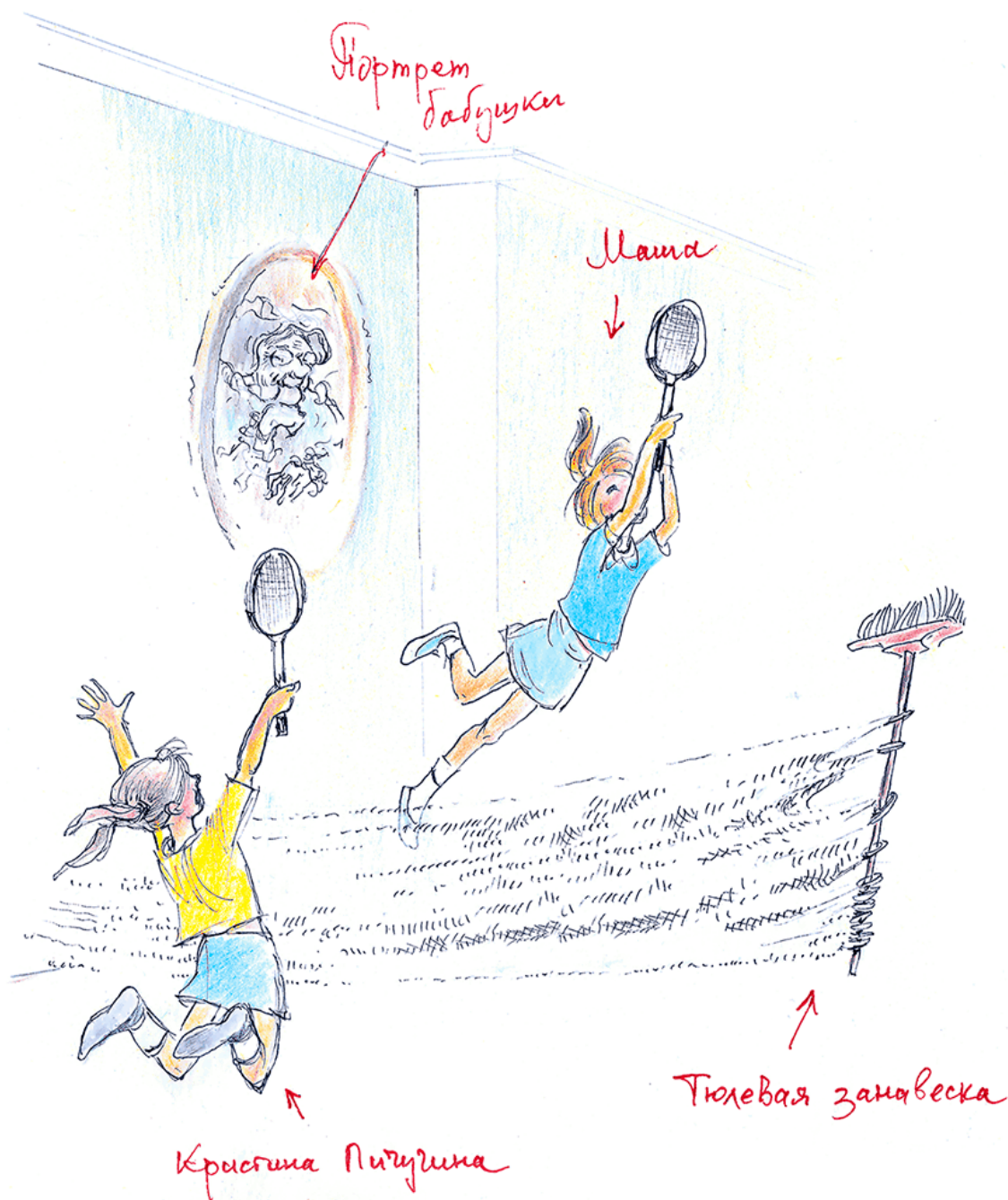
Вообще-то Тёма был не очень плохим мальчиком – по крайней мере, папа считал, что бывают гораздо хуже. По маминому мнению, учился он из рук вон плохо, но папа полагал, что не все должны быть отличниками. Мама называла его вруном, а папа считал, что у Тёмы очень развита фантазия. В свою очередь, маме нравилось, что Тёма редко дрался. Она полагала, что этим в мальчике развивается пацифизм – то есть склонность решать проблемы не военными действиями, а с помощью дипломатии, то есть путём переговоров. А папа говорил, что это называется одним словом – трусость.

Но в этот раз родители были заодно: Тёму наказали. И за то, что хотел прогулять школу, и за то, что попытался всё свалить на младшую сестру, и за то, что Маше из-за него досталось, и, наконец, за то, что перевернул вверх дном чулан.

Потому что Тёме и Маше было запрещено играть в чулане, что-то там трогать или оттуда брать. И однажды уже крепко попало за устроенный там беспорядок.

Дело было так. Одним зимним вечером папа с мамой собрались на лекцию о летающих тарелках. А Тёма с Машей должны были поужинать, вымыть посуду, позаниматься музыкой, поиграть в тихие настольные игры – в лото или цветочное домино, – почистить зубы и лечь спать.

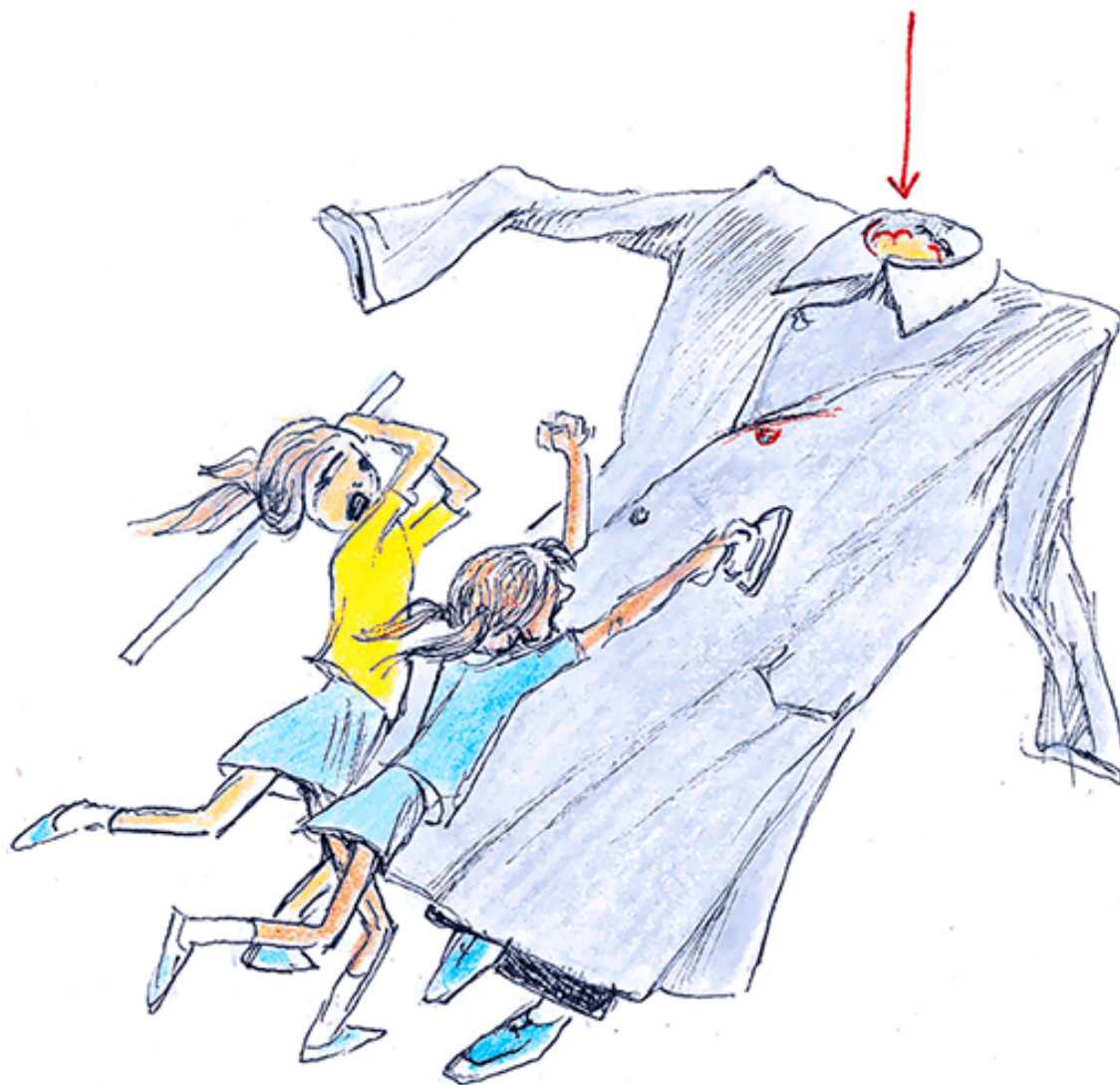
Папа и мама не успели ещё выехать из двора, как Тёма позвонил своему лучшему другу Валере Пичугину, и тот явился со своей сестрёнкой Кристиной, Машинной ровесницей. Девчонки немедленно натянули поперёк коридора тюлевую занавеску, снятую в гостиной: они затеяли теннисный матч между Марией Шараповой и Аллой Пугачевой. И такие раздавались крики и шум, что Тёма с Валерой, в папином кабинете игравшие на его компьютере, выскочили в коридор. Тёма велел девчонкам затихнуть, чтобы не разбудить живущего в чулане ужасного

однорукого великана Ваню, который, если проснётся, разнесёт весь город. Но Маша и Кристина уже так разыгрались, что потребовали немедленно пробудить этого Ваню: они готовы с ним сразиться и освободить город от опасности. И побежали в Машину комнату вооружаться.

Когда они вернулись – Маша с детским, но чугунным утюжком, а Кристина с железной трубой от пылесоса, – в коридоре погас свет, медленно, со скрипом отворилась дверь чулана, и появился силуэт огромного человека в длинном чёрном одеянии. И без головы. Единственная рука его была простёрта вперёд, он медленно ступил в коридор.

Маша и Кристина завизжали от страха, но не кинулись улепётывать. Говорят, такое случается с зайцами при встрече нос к носу с волками в дремучем лесу. Девчонки, умирая от ужаса, кинулись на однорукого Ваню. Они молотили его кулачками, утюжком и пылесосной трубой, зажмурившись и непрерывно, на одной высокой ноте, визжа.

Тёмная голова

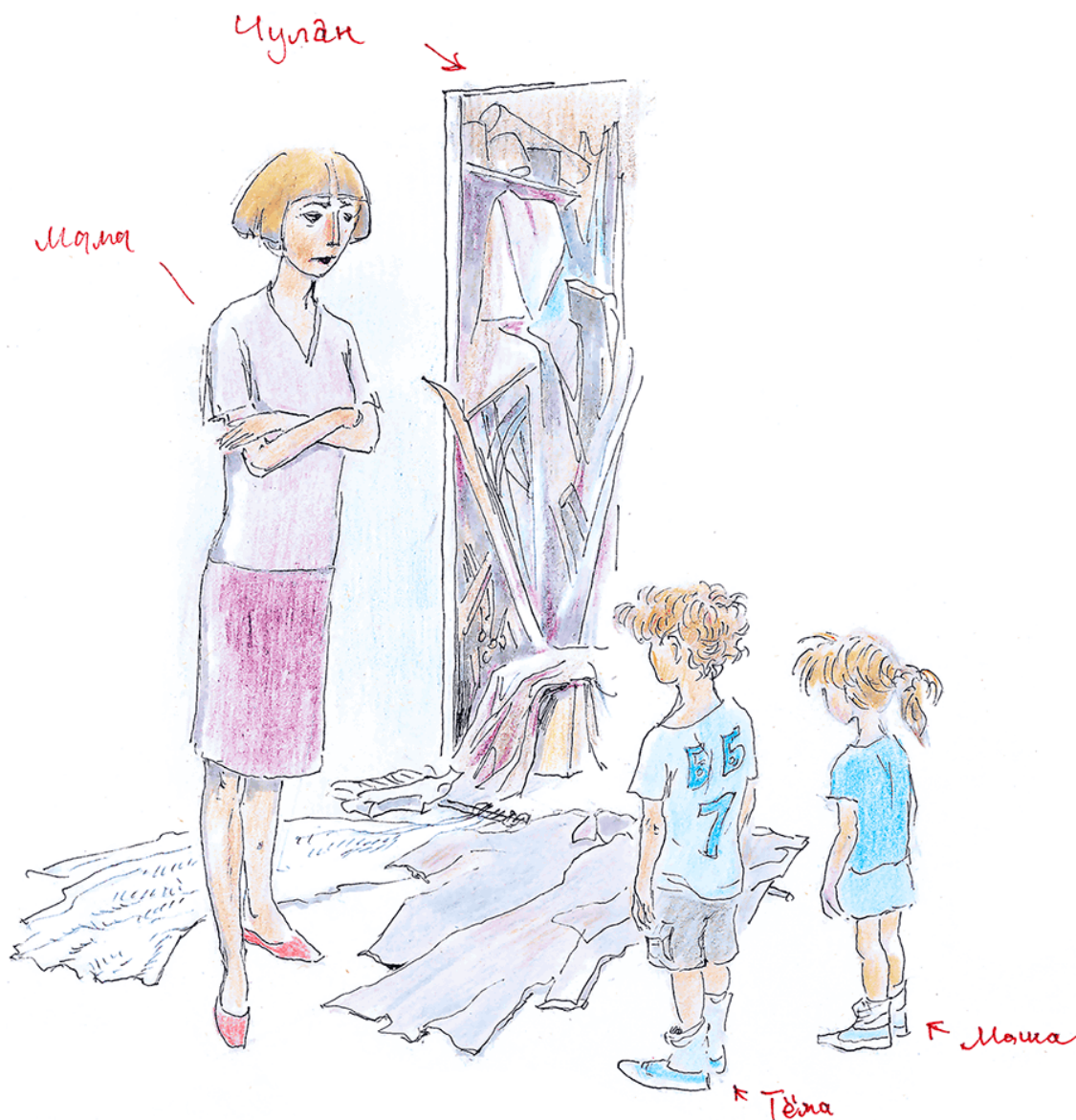
↑
Папино
пальто

Вообще-то, их можно было назвать героями. Они сражались со страшным великаном, как зайцы с волком, они же не знали, что однорукый Ваня – это на самом деле Тёма. Он надел на себя папино пальто, Валера застегнул все пуговицы, и ту, что на воротнике, так что и левая рука, и голова оказались внутри. И теперь бедный Ваня-Тёма пытался вслепую, единственной рукой, отбиться от девчонок. Наткнулся на стул, упал, как корова. Нашупывая дверь в чулан, сквозь пальто глухо молил о пощаде:

– Кончайте, больно же! Вы что, опухли! Валера, это ты, гад, нарочно?

Валера и рад был помочь, но не мог, потому что так хохотал, что даже на пол сполз от смеха. И бабушка на портрете смеялась до слёз, отворачивалась, отмахиваясь платочком. А Тёму в чулане, не переставая, молотили вошедшие в раж девчонки. С чуланных полок на него падали старые подушки, сломанные лыжи, пыльные коробки... И тут во дворе послышался звук подъехавшей машины – вернулись родители.

В тот же вечер мама объявила, что отныне Артёму и Марии строжайше запрещается без разрешения на то взрослых заходить в чулан, играть там в подвижные и иные игры, что-либо выносить оттуда и вообще производить любые действия, которые могут нарушить порядок и покой находящихся там вещей и предметов.

Глава четвёртая

Итак, Тёму наказали. За чулан, за хнычущую Машу, за враньё и за попытку прогулять школу. Ему было велено сделать все – да-да, все! – уроки, разучить на пианино «Танец маленьких лебедей», вымыть посуду, вычистить домик павлина и навести порядок в чулане. С каждым перечисленным делом голова Тёмы опускалась всё ниже и ниже. Он думал, что если бы он работал в контрразведке и допрашивал иностранных шпионов, он заставлял бы их делать уроки, играть на фортепьяно, мыть посуду, чистить дом павлина и наводить порядок в пыльном вонючем чулане. И уже через пять минут иностранный шпион просил бы пощады и выдавал все государственные тайны и секретные сведения.

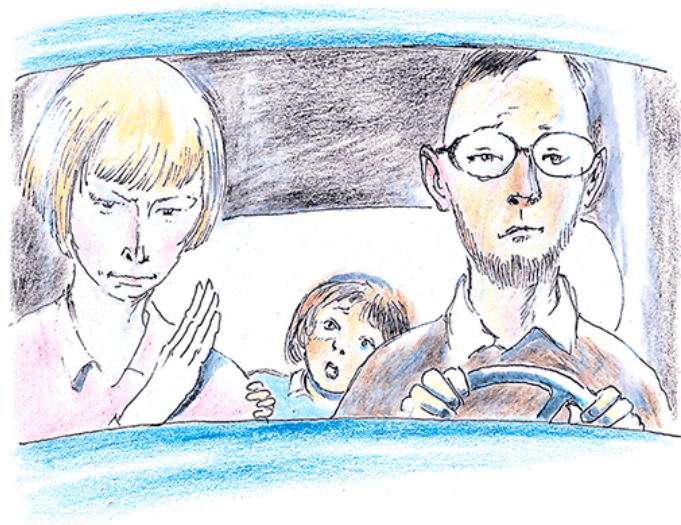
И, самое главное, родители не взяли Тёму с собой в город на праздник.

– Пусть посидит дома – сказала мама, – Без купания, без ярмарки, без сладкой ваты, без пиццы и без кино.

Она посмотрела на папу, как будто папа собирался что-то возразить, но тот молчал. Павлин во дворе торжествующе закричал противным голосом и раскрыл облезлый хвост.

Тёма тихонько показал павлину кулак и клятвенно пообещал маме всё исполнить: и рюкзак достать, и уроки сделать, и «танец лебедей», и посуду, и порядок в чулане, самым тщательным образом. Только пусть его, пожалуйста, всё-таки возьмут с собой. Он понял, насколько отвратительно поступил, и испытывает самые свирепые муки совести. Тёма представил себе эти муки, которые в его воображении походили на средневековые пытки. Совесть, как ему почему-то казалось, располагалась где-то повыше живота. И когда он вообразил раскалённые

щипцы, приближающиеся к совести, он почти искренне заплакал. Но мама отвернулась, будто ничего не слышала и не видела.

Папа за рулем
←

Родители были так рассержены и расстроены, что даже не поцеловали Тёму на прощание. Машина стала разворачиваться во дворе. Маша, посмотрев на одиноко стоящего на крыльце брата, прошептала папе, что, может быть, Тёма уже исправился и они возьмут его с собой? Папа остановил машину и вопросительно взглянул на маму.

– Нет, – решительно сказала мама. – Его и так некоторые слишком часто прощают! – При этом она посмотрела на папу. – И мальчик растёт лгуном, эгоистом и лентяем!

С крыльца Тёма видел, как в машине мама продолжала что-то возмущенно говорить, показывая на Тёму. Папа угрюмо кивал. Машина выехала со двора. Тёма, засунув руки в карманы и насвистывая, пошёл в дом. Пусть все видят, что не очень-то и хотелось ему на какой-то там праздник.

Чтобы сесть за уроки, нужно было сначала достать рюкзак. Но как это сделать, Тёма пока не придумал. Он прошёлся по дому. Бросил взгляд на гору оставшейся от завтрака посуды в раковине. С этим он разберётся после того, как пообедает и поужинает – всё равно тарелок прибавится, зачем делать одно неприятное дело несколько раз. Заглянул в чулан. Там было пыльно и скучно. Покосился на бабушкин портрет. Баба Маруся сурово покачала головой.

Тёма, не глядя на бабушку, со вздохом забормотал, как ему невыносимо стыдно. Ведь он – лун, эгоист и лентяй. Он схватился за голову, заговорил громче:

– Я родную сестру хотел подвести под незаслуженное наказание! И как мне теперь жить с таким грузом на совести!

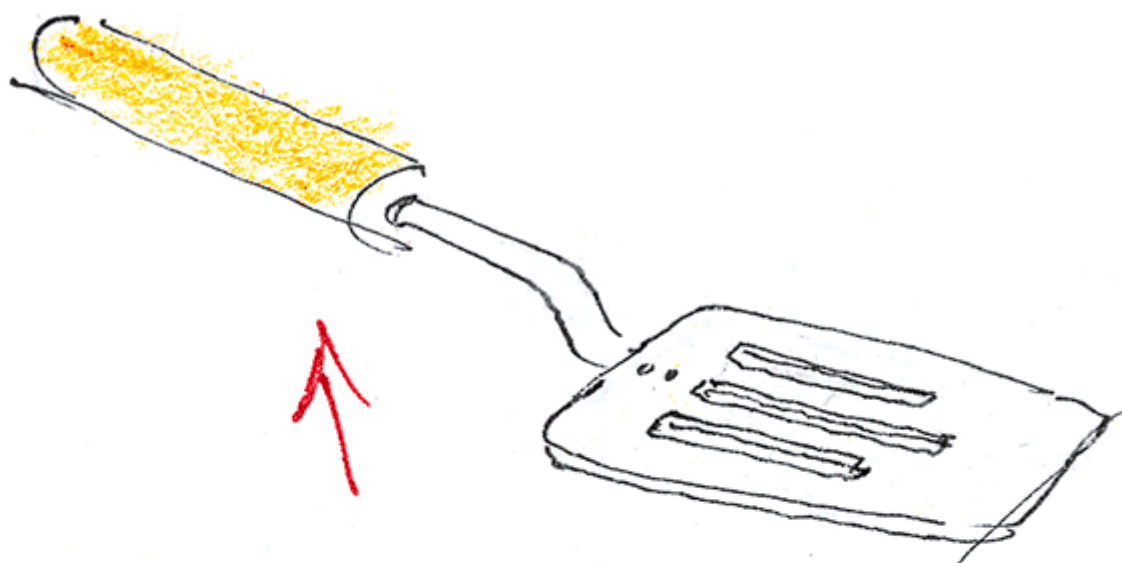
Продолжая проклинать себя, он удалился на кухню. Бабушка на портрете удивилась – непривычно было слышать такие слова от внука.

Тёма показался в проёме кухни с огромным сверкающим ножом в руке.

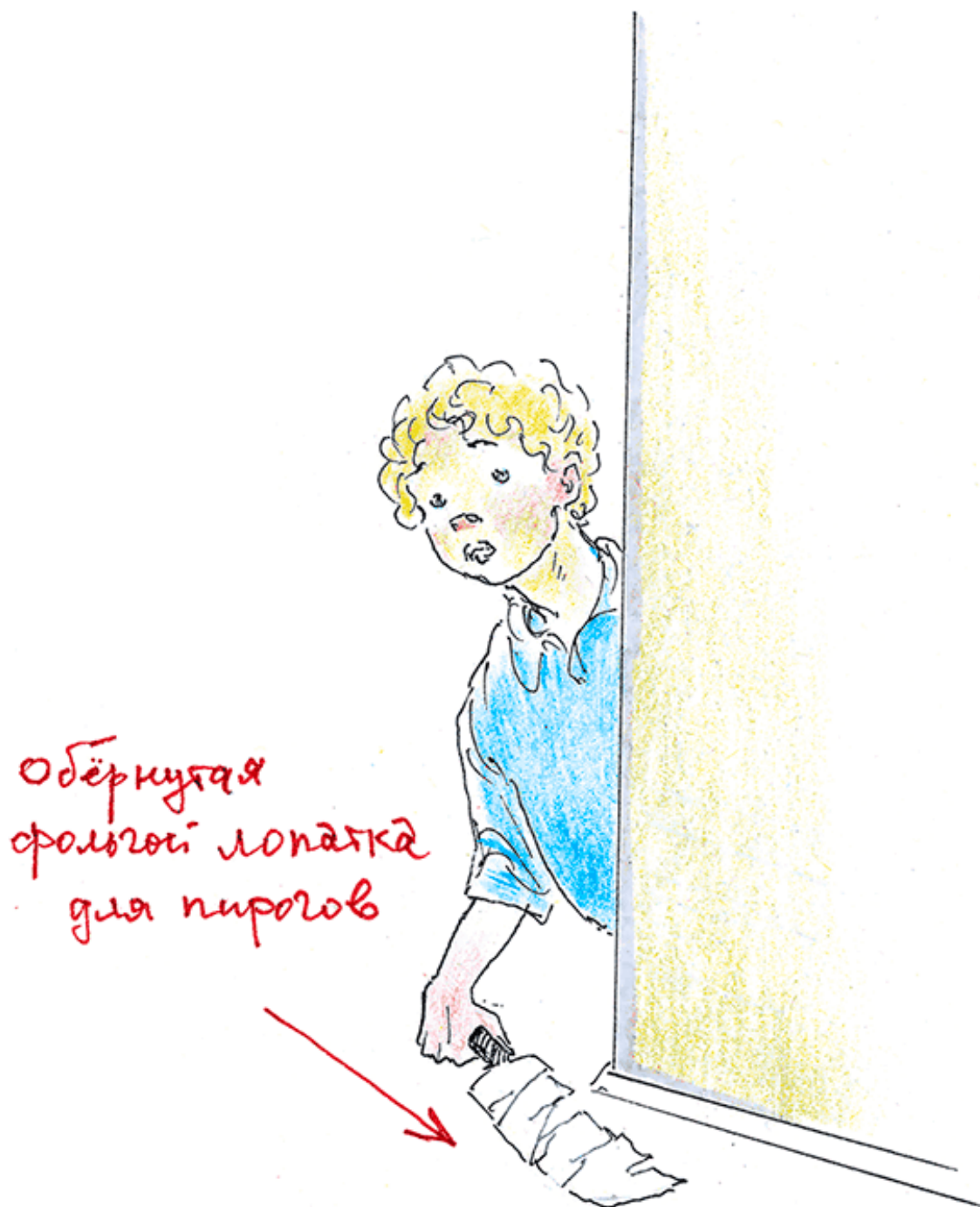
– О, горе мне! Я – позор семьи, и за всю оставшуюся жизнь мне не искупить тех несчастий, что принёс я родителям и сестре! Но теперь я знаю, что нужно сделать для их будущего покоя и благополучия!

Тёма широко размахнулся и... Бабушка увидела, как он ударил себя страшным ножом в грудь, да так, что только рукоятка осталась торчать. Тёма зашатался, ноги его подкосились. Он сделал несколько неверных шагов и с грохотом упал за поворотом коридора, там, где бабушка не могла его видеть.

На самом деле в руке у него был не нож, а обёрнутая фольгой лопатка для пирогов, которую он ловко зажал под мышкой. Он чуть-чуть полежал на полу, надеясь, что бабушка закричит или зарыдает. Но было тихо. Тёма забеспокоился. Может быть, ей стало плохо?

Лопатка для
пирогов

Он бесшумно подполз к углу и осторожно выглянул. Бабушка с портрета с насмешкой смотрела прямо на него и, встретившись глазами, покрутила пальцем у виска. Потом, зевнув, отвернулась.

Ну и не надо. Тёма пошёл в свою комнату, всю увешанную фотографиями футболистов, гоночных машин и рок-музыкантов, громко включил музыку и стал скакать на кровати, как на батуте. Из коридора раздался голос бабушки:

– Тёма! А уроки?! А музыка?! А посуда?! А чулан?! Я всё расскажу!

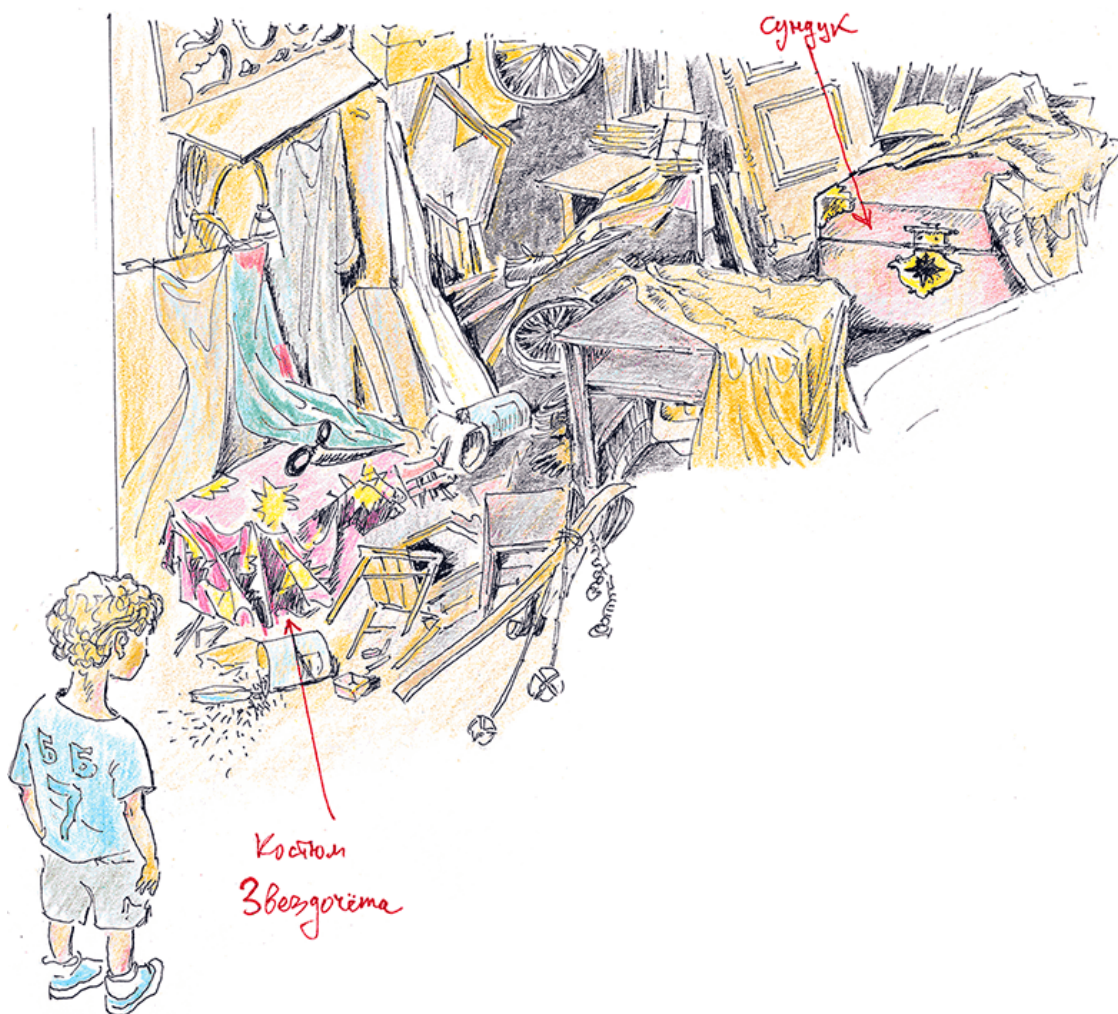
Тёма, вздохнув, выключил плейер и с неохотой побрёл в чулан.

Тёплая Комната

Глава пятая

Тёма с тоской смотрел на беспорядок в чулане – пыльные, старые вещи, свалившиеся с полок прошлой ночью, когда он вытаскивал костюм Звездочёта... В маленькое окошко под потолком заглянуло солнце, и в углу что-то блеснуло – что-то, чего Тёма раньше в чулане не видел. Он отодвинул в сторону старые платья и пальто, отшвырнул сломанные стулья и детские лыжи с ботинками, полез в угол.

Бабушка на портрете нахмурилась.

В углу обнаружился большой старинный сундук с коваными узорами на боках. Тёма попытался его открыть, но крышка не поддавалась. Не помогли ни ножка табуретки, ни отвёртка, ни лыжная палка, ни согнутая пополам вешалка, ни большой гвоздь – сундук был надёжно заперт.

Тёма исследовал замочную скважину. От большой дырки для ключа расходились лучи бронзовой звезды. Тёма щелкнул пальцами, воскликнул: «Скарафаджо!» и побежал в папин кабинет.

– Тёма! – попыталась его остановить бабушка.

В папин кабинет Тёме тоже нельзя было заходить. Запрещение это случилось после того, как однажды папа с мамой уехали смотреть редкое астрономическое явление – затмение Луны, а к Тёме пришёл Валера Пичугин, чтобы делать арифметику. Но как-то так случилось, что вме-

сто арифметики они придумали кататься с папиного кульмана. Если доску правильно наклонить, то с неё можно замечательно съезжать на животе, как с горки. А из ненужных папиных чертежей сделать снег и сугробы...

В общем, после этого Тёму допускали в кабинет только для воспитательных бесед. Говорила, в основном, мама. Говорила долго и научно, так что Тёма быстро переставал слушать и от скуки внимательно разглядывал всё, что стояло, лежало и висело на стенах.

Особенно интересовал его полированный ящик, где за зеркальным стеклом передней стенки блестел радужными гранями большой хрустальный ключ.

Однажды Тёма не выдержал и спросил, что же это за ключ.

– Для кого, спрашивается, я стараюсь, объясняю? Он, оказывается, по сторонам смотрит! – рассердилась мама и стала говорить про синдром дефицита внимания и психологический инфантилизм. Тёма не знал ни что такое «синдром», ни что такое «инфантилизм», ни даже что такое «дефицит», но снова перебивать боялся и, как приказала мама, смотрел только на неё. А сам думал, что же и когда этим ключом открывали. Дверь за нарисованным очагом, как у Буратино? А вдруг им заводили какую-нибудь волшебную карусель или старинные часы с хрустальными колокольчиками? А, может быть, где-нибудь в далёкой стране до сих пор стоит запёртый замок? Вот бы узнать, где, и съездить...

Поэтому, когда Тёма увидел замочную скважину сундука со звездой, он сразу же вспомнил, что посредине причудливой бородки хрустального ключа была выгравирована точно такая же звёздочка. Вот, оказывается, что открывает этот таинственный ключ!

В кабинете – самой большой комнате в доме – было прохладно и сумрачно. Вдоль стен стояли высокие старинные книжные шкафы, где за стеклом тускло поблёскивали корешки книг. В одном углу темнел кульман на литых чугунных ногах с начатым чертежом, поодаль – перепачканный краской мольберт. На старом дубовом столе с зелёной столешницей белел компьютер с большим монитором. А над столом висела большая гравюра, изображавшая Дворцовую площадь с Александрийским столпом посредине. Папа Тёмы работал архитектором-реставратором.

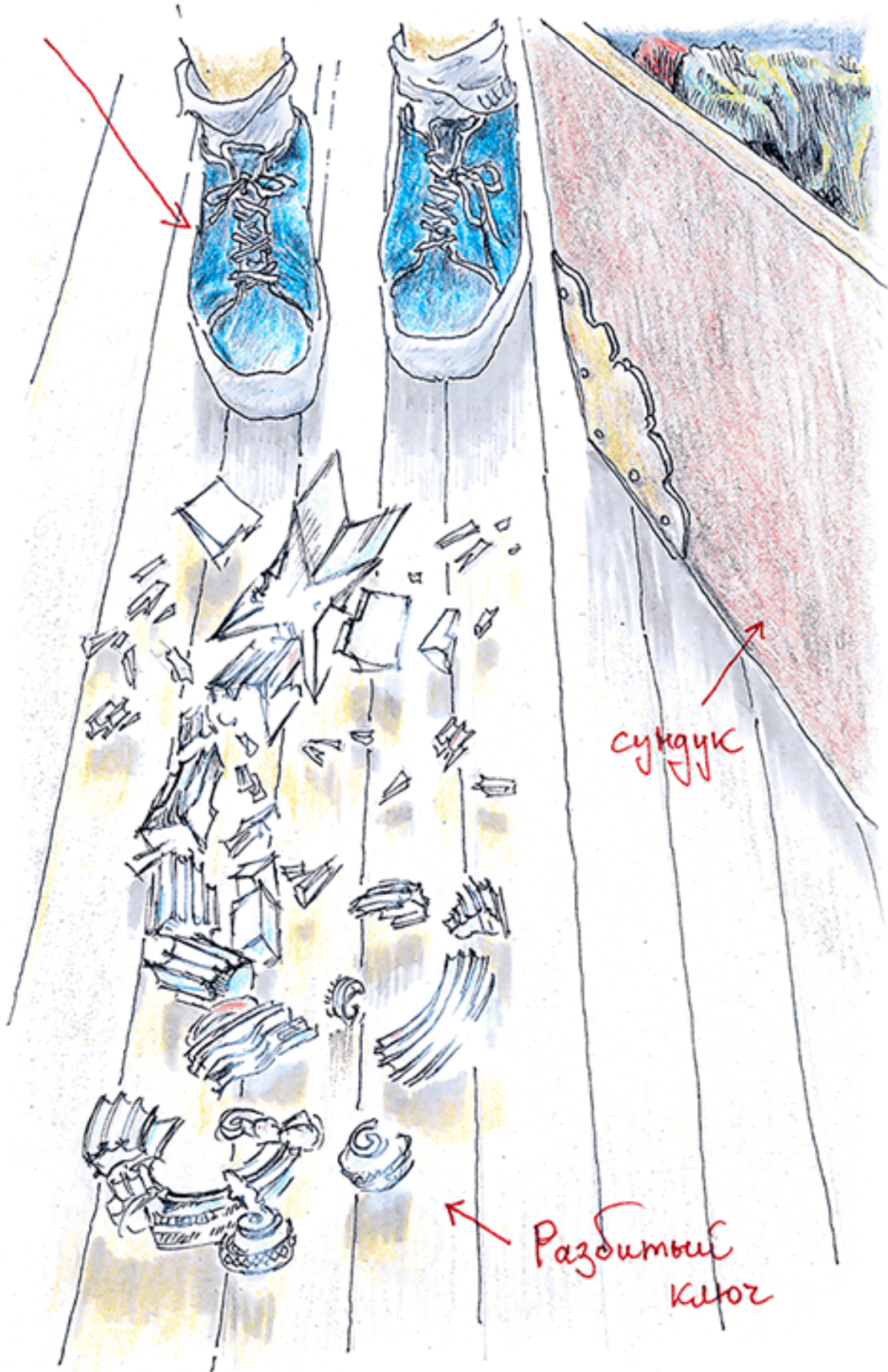
Тёма взгромоздил тяжёлый дубовый стул на стол, вскарабкался на него. Под самым потолком в полированном ящике со стеклянной крышкой таинственно мерцал большой хрустальный ключ. Тёма осторожно вынул ключ из ящика.

Вернувшись к сундуку, он вставил ключ в скважину. Ключ, как он и предполагал, подошёл. Тёма осторожно повернул его. Что-то зазвенело и щёлкнуло. Тяжёлая крышка медленно сама приподнялась и откинулась.

Тёма даже засвистел от разочарования. В сундуке лежал такой же, как и во всём чулане, старый пыльный хлам. Тёма выкинул оттуда сломанную деревянную куклу-ангела, изъеденную молью зелёную куртку с красными обшлагами, железяки, тряпки, разваливающуюся в руках детскую книжку, карманные латунные часы с разбитым стеклом...

Он с досадой пнул сундук ногой. Бабушка на портрете закричала «Осторожно!», но было уже поздно – ключ вывалился из замка. Тёма попытался его поймать, но ключ подпрыгнул в его руках, перевернулся, упал на пол и с громким звоном разбился на тысячу мелких осколков.

Тёмные ноги

Тёма оглянулся на бабушку. Та смотрела на него с ужасом.

– Ты сама виновата! – быстро сказал Тёма. – Ты мне под руку крикнула!

Но бабушка его не слушала. Обеими руками схватившись за голову, она раскачивалась из стороны в сторону, повторяя:

– Бож-же мой, Бож-же мой, что-то будет, что-то будет!..

А на её лице было написано такое отчаяние, что Тёма действительно испугался. Он попытался закрыть крышку, но не смог даже сдвинуть её с места. Повис на ней, стал дёргать, колотить по ней лыжной палкой, но крышка не двигалась. Тогда он опустился на угол открытого сундука и снова запричитал, на этот раз серьёзно:

– Какой же я несчастный, невезучий и кругом виноватый! И никто никогда меня не простит, мама меня совсем не любит, да и папа только иногда. И зря я на самом деле не поразил себя кинжалом...

Он поднял полные слёз глаза на бабушкин портрет – и замер с открытым ртом: бабушки на фотографии не было. Осталось только пустое кресло с вязанием на подлокотнике.

Бабушка
на портрете

Если бы он был сейчас в кабинете, то заметил бы, что в шкафу, который стоял прямо под полкой, где только что висел ключ, медленно уползала в глубину большая старинная книга с потёртым кожаным корешком, словно кто-то невидимый тащил её сквозь стену.

На портрете снова появилась бабушка, теперь с этой книгой в руках. Она уселась в кресло, надела очки и строгим голосом, каким телевизионные дикторы сообщают о страшных новостях, прочла:

– «И ключ сей цельного хрусталя тайного состава. Так, если по злему умыслению или нерадению разбит или равно в части своей повреждён будет, то так же разобьётся либо повредится сей ключ во всех прошлых временах, и в тот же день до захода солнца надлежит сыскать мастера и сотворить наново такой же. А не успеть – падут большие беды и несчётные обиды и несчастья на все поколения».

Захлопнув книгу, бабушка встала с кресла и снова ушла.

Тёма заволновался. Он подбежал ближе к портрету и закричал:

– А где я тебе этого мастера сыщу?

– Не знаю, – ответила невидимая бабушка из глубины картины.

Тёма стал подпрыгивать, стараясь заглянуть за раму:

– Если ты не знаешь, то кто знает? Менделеев? Гей-Люссак?²

Бабушка снова появилась на портрете и сурово сказала, что может знать Марья Владимировна, её, бабы Маруси, бабушка.

– Твоя бабушка? Так она же умерла тысячу лет назад, ещё при динозаврах! – заволновался Тёма.

Но бабушка, не слушая его, продолжала:

– Ты её найдёшь, – она показала Тёме старинный выцветший дагерротип³, на котором еле различался силуэт дамы в платье с фижмами и пышными рукавами.

– На руке у неё обязательно будет тонкой работы серебряное колечко: как будто две птички лапки держат большой, красивой огранки изумруд. Она тебе укажет, где взять мастера. Она хорошая, нас с братом очень любила.

Тёма только собрался что-то спросить, как бабушка неожиданно закричала:

– Немедленно полезай в сундук!

Тёма попятился и, не спуская глаз с бабушки, залез в сундук.

– Ищи там часы!

Тёма нашарил на дне сундука латунные карманные часы. Когда он взял их в руки, они тотчас засветились, на них появилось стекло, а вокруг циферблата побежали и обвили его венком золотые лавровые листья. А в самом сундуке загорелся свет, и вместо дна увидел Тёма круто уходящую вниз лестницу.

---

² Дмитрий Иванович Менделеев – великий русский учёный-химик, изобретатель периодической таблицы элементов. Гей и Люссак – два французских физика, авторы важного закона о газах.

³ Дагерротипы – старые фотографии, которые делались на посеребрённых медных пластинках.

Карманные часы

Карманники
такие часы
назывались половец,
что их носили
не на руке,
а в кармане

Бабушка продолжила тем же строгим тоном:

– Ничего не бойся. Иди вниз, а в самом конце коридора разбегись, подпрыгни и на лету переведи стрелку на одно деление назад. Только не забудь, что вернуться ты должен до захода солнца. Обязательно до захода солнца!

Тёма попытался что-то возразить, но бабушка закричала на него, торопя. Тёма неуверенно повернулся к лестнице и начал спускаться.

Лестница сужалась, крутила, петляла, пока не закончилась коридором в паутине и летучих мышах. Становилось всё темнее и страшнее. Что-то во тьме шуршало, попискивало, летало, ползало вокруг него. Наконец, впереди показался слабый свет. Тёма во весь дух бросился туда. Выбежав в яркий солнечный день, что есть силы подпрыгнул и, как было велено, перевёл стрелку назад.

Глава шестая

Тёма огляделся. Странно – он стоял во дворе собственного дома, в руках у него были часы, опять потемневшие, с разбитым стеклом. Никакого подземного хода, из которого он выпрыгнул... Может быть, вообще всё это ему привиделось? Может, у него галлюцинации после перенесённых страданий? А на самом деле всё отлично, никакого ключа он не разбивал, сейчас зайдёт в дом и...

В небе раздался странный стрекочущий звук. Тёма задрал голову. Над двором, низко, пролетел похожий на стрекозу аэроплан с крыльями в три яруса, как этажерка – такие он видел только на картинках. Тёма, провожая аэроплан взглядом, повернулся и замер в изумлении. Посреди двора, вместо огромного разлапистого вяза, росло тоненькое, видимо, совсем недавно посаженное деревце. И забор был другой. И не было ни детской площадки, ни качелей.

Аэроплан летел вдоль реки. За ним по берегу неслась ватага мальчишек – почти все босиком, в холщёвых штанах и рубашках навыпуск. Река была та же – но вместо новых домов на горизонте повсюду сверкали разновеликие купола церквей. Единственным, что не измени-

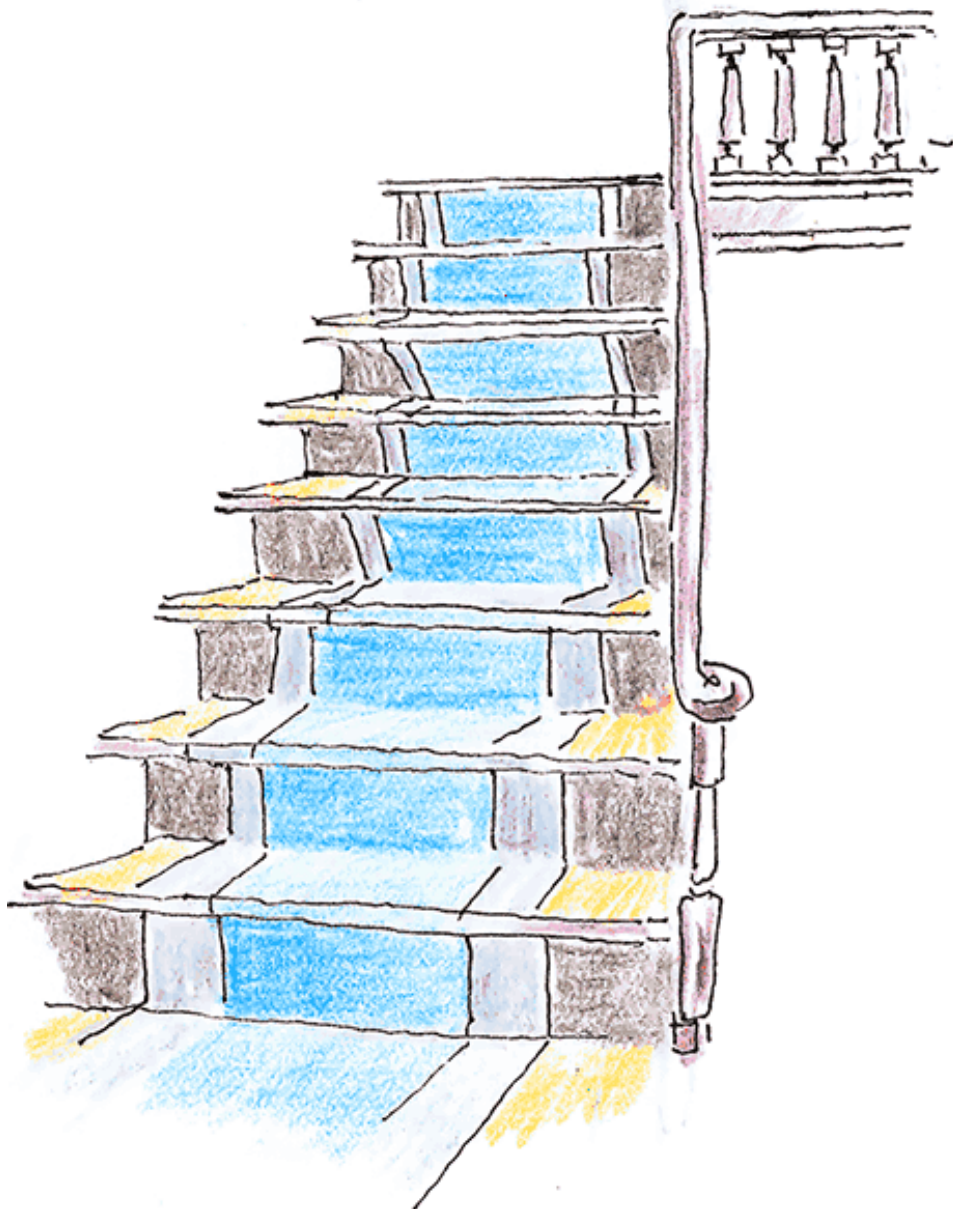
лось, был заросший зеленою островок и старая церковь в строительных лесах на другом берегу. Правда, теперь леса эти светились свежим светлым деревом.

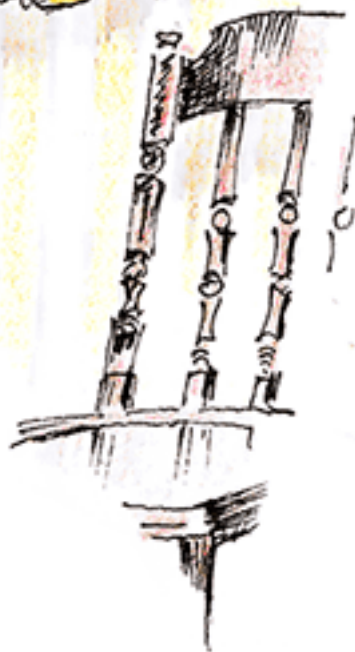
Да и Тёмин дом, если взглядеться попристальнее, помолодел. Дубовые рамы блестели лаком. Железная крыша была свежевыкрашена в травяной зелёный цвет.

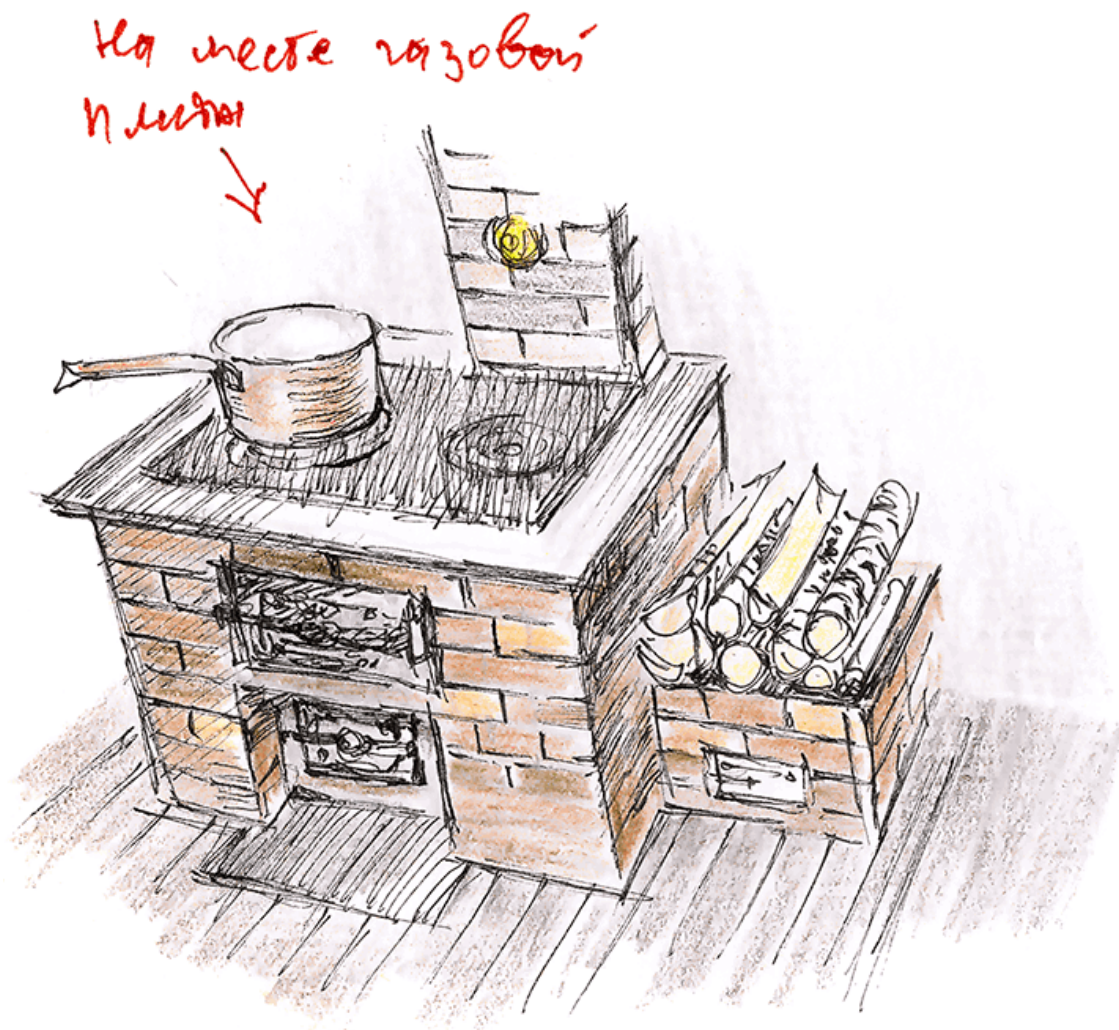
Тёма поднялся на крыльцо, с опаской вошёл. Было тихо. Ему показалось, что коридор – такой же, как у них дома. Из гостиной блеснули громко тикающие каминные часы, такие же, как у них. Но напротив чулана висела не фотография бабушки, а написанный маслом портрет седоволосого генерала. Генерал с интересом посмотрел на Тёму. Тёма на всякий случай козырнул, поклонился и шаркнул ногой. Он подумал, что именно так нужно приветствовать старинных генералов. Генерал усмехнулся, но промолчал. Заговорить Тёма не решился и осторожно пошёл по коридору дальше. У лестницы лежали крест-накрест перевязанные бечёвкой стопки газет «Вестник» за 1910 год.

Лесбица в мезонине та же,
Только повер другой.

Вместо
фотографии
бабушки ↙

Но как следует оглядеться Тёма не успел. Где-то вдалеке раздался звон, точно такой же, с каким только что Тёма разбил в чулане хрустальный ключ. Не успел Тёма удивиться, как за звоном последовал взрыв криков и приближающийся топот. Тёма шмыгнул под лестницу.

По коридору с топотом мчался Звездочёт – в длинном балахоне, в островерхой шапке, отороченной мехом, и в маске с козлиной бородой. А рядом, уцепившись за его руку, бежала рыжая девчонка возраста Тёминой сестры Маши, в кружевном платье и панталончиках. Они вихрем пролетели мимо Тёмы. Из дальнего конца коридора им вслед неслась брань преследующего их взрослого дядьки. Из его криков было понятно, что того, кто разбил хрустальный ключ, ждут страшные муки, из которых самые лёгкие – это выдёргивание ног, снятие шкуры, одновременное удаление всех зубов, а также трудновыполнимое натягивание глаза на задницу.

Испуганный Тёма бросился вслед за Звездочётом и девочкой. Они промчались через кухню (Тёма успел заметить дрова и огонь в кухонной печке на месте газовой плиты), выбежали на задний двор, пронеслись мимо конюшни, где фыркала весёлая рыжая лошадь, пробежали вдоль забора и залегли в густом бурьяне за сараем. Все трое тяжело дышали. Звездочёт содрал колпак и маску и оказался рыжим мальчиком примерно Тёминых лет. Девочка что-то хотела сказать, но мальчик приложил палец к губам.

В сарае раздался страшный грохот, потом звон. Девочка вопросительно посмотрела на мальчика.

– Ширма, – прошептал тот сквозь зубы.

Куклы из кукольного театра

Занавес кукольного театра

Все трое осторожно приподняли над бурьяном голову.

Из распахнутой двери сарая на улицу вылетели и шлёпнулись на траву сломанные шестерёнки и верёвки. Девочка перехватила недоумённый взгляд Тёмы.

– Это он кукольный театр ломает, который мне Стёпка сделал, – прошептала она.

– Кто ломает? – в тон ей ответил Тёма.

– Папенька.

Прислушиваясь к звукам из сарая, девочка нахмурилась и покачала головой, совсем как Тёмина бабушка на портрете. В сущности, она ею и была, точнее, станет через много лет. От этой мысли у Тёмы чуть-чуть закружилась голова, и он решил об этом сейчас не думать.

Из сарая на траву летели растерзанные самодельные куклы-марионетки, пёстрые тряпки, деревянные трости. Стёпка лежал, отвернувшись и закусив кулак, только вздрагивал при каждом новом звуке разрушения и шмыгал носом. Девочка по-взрослому погладила его по голове.

– Переживает, – пояснила она Тёме. – Только он ещё лучше сделает. Он всё может сделать. Стёпка – мой брат. А я – Маруська. А вы кто?

Пока Тёма размышлял, как ему представиться, в сарае наступила тишина. Потом оттуда вышел коренастый мужчина и, тяжело ступая, не оборачиваясь, пошёл в дом.

Стёпка, Маруська и Тёма встали из бурьяна. Стёпка стянул с себя балахон Звездочёта, вытер кулаком глаза. Теперь он был одет в брюки и светлую холщевую гимнастёрку с ремнём⁴. Ни на кого не глядя, Стёпка хмуро побрёл к сараю.

Там, в глубине, виднелся разломанный театр с ярко раскрашенным занавесом, разорванным на куски. Всюду валялись деревянные палки, колёса, верёвки. Стёпка с Маруской стали поднимать с земли покорёженных кукол и куски декораций.

– Это он из-за ключа. Эх, папенька! – вздохнула Маруська. – Стёпка, правда, его не разбивал, я же видела, ключ сам подпрыгнул, перевернулся и упал...

Она ещё не успела договорить, а Тёма уже всё понял. Ключ не сам подпрыгнул. Это случилось, потому что Тёма там, у себя в чулане, пытался его подхватить на лету. Значит, в той старинной книге всё правда. Ключ, который он разбил, существовал во всех временах сразу. Раз уж начались волшебные истории, чему тут удивляться! Наверное, правильно было бы пойти к коренастому злому дядьке и сказать: «Видите ли, я – внук ваших детей, и это я через сто лет разбил ключ». Это было бы честно, но кто бы в это поверил! В результате им бы всем попало за враньё, а его, Тёму, вполне возможно, отвезли бы в сумасшедший дом. И вместо того чтобы до захода солнца попытаться спасти все прошлые и будущие поколения своей семьи, он сидел бы на цепи, как один несчастный на рисунке в какой-то книжке про старое время... Ну и что толку от такой честности?

Не зря папа говорил, что у Тёмы хорошая фантазия, а мама считала его вруном. Тёма, охнув, опустился на траву, обхватил голову руками и застонал:

– Бедный я, бедный!

– Вы ушиблись? – испуганно спросила Маруська.

– Так и знал! – стонал Тёма. – Так и знал! Просил же: пошлите в Австралию, даже в Китай – нет, сюда отправили! Как чувствовал!

Он громко всхлипнул. Стёпка и Маруська переглянулись, внимательно посмотрели на Тёму. Маруська даже обошла вокруг него, рассмотрела номер семь на футболке и громко прочла: «Бэ-бэ».

---

⁴ Такой была летняя форма гимназистов до революции 1917-го года.

Стенка

Тёма вытер слёзы. Извинился. Объяснил, что был послан всемирной дирекцией новейшей всемирной выставки именно сюда и именно за этим ключом! Плыл через океан, ехал через пустыню и четыре дня степью, и для чего? Чтобы услышать, как этот ключ разбили? Ради этого сражаться с бедуинами, тонуть у мыса Горн, есть сырого варана, после того как сбежали проводники со всей едой, документами и собранными экспонатами!

Стёпка и Маруська снова переглянулись. Маруська подняла брови и покрутила пальцем у виска. Тёме очень захотелось дать ей как следует по шее, но он подумал, что это его бабушка, и руку, поднятую для этого действия, употребил для почесывания затылка.

Снисходительно улыбнулся, встал, отряхивая шорты и рубашку.

– Ну ладно. Я привык. Сначала насмешки, вроде «врешь – и не краснеешь», потом подозрения, ни жулик ли. Ну, что ж, такова судьба всех, опередивших время.

Из дома послышался бой каминных часов. Тёма щелкнул пальцами, пробормотал «Скарафаджо», подмигнул Маруське и Стёпке:

– Я же всё про вас знаю. И про ваш дом.

И стал напевать мелодию менуэта. Через миг, как эхо, из дома ему отозвались часы. Потрясённая Маруська негромко воскликнула:

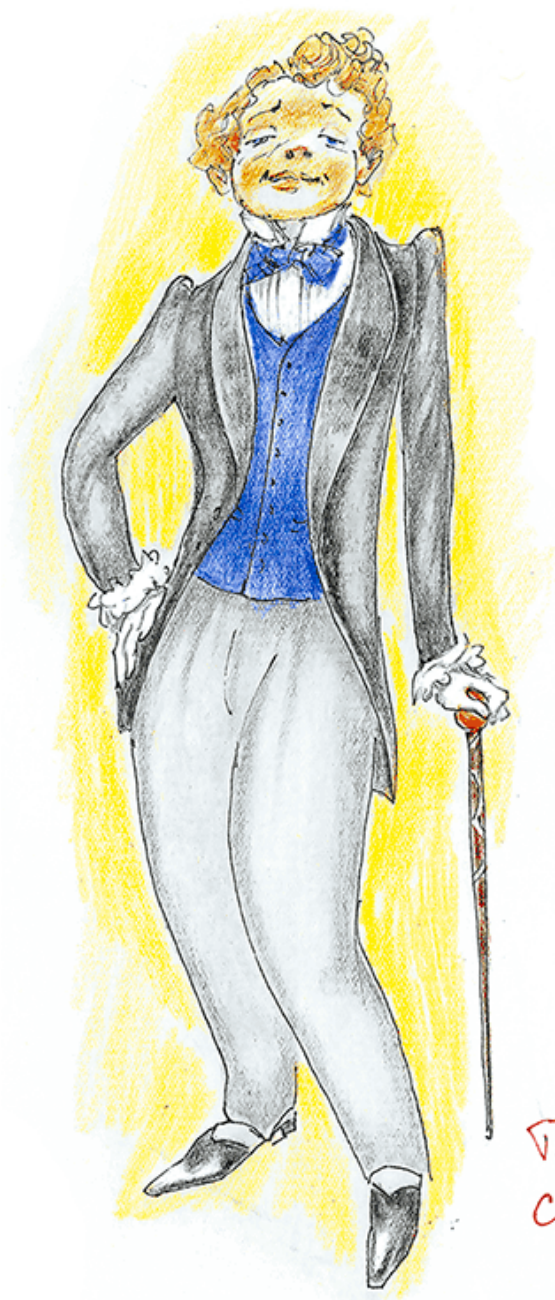
– Ой, значит, всё правда?

А Стёпка по-солдатски выпрямился и одёрнул гимнастёрку:

– Извини...те, – голос его дрогнул. – Что же мне теперь делать?

– Я же не договорил, – улыбнулся Тёма. – Так вот, сначала насмешки, потом подозрения, а в конце – «Что же мне делать? Помогите, дяденька!». Что делать? Новый ключ делать. А где найти мастера, знает ваша бабушка. Марья Владимировна, я не ошибся?

Стёпка с Маруської молча закивали головами.

Таким образом себе Тёмка для
Свёнки и Маруськи

Глава седьмая

Тёма шёл по своему родному городу – тому, каким он был сто лет назад. Что-то ему нравилось, например, сады за заборами вдоль всей главной улицы. А что-то казалось смешным. Например, сама улица, ещё без асфальта, мощённая булыжником, веселила пролётками, которые нещадно дребезжали, и в них, как игрушечные, подсакивали солидные господа и дамы. Было интересно разглядывать эту незнакомую жизнь, но Тёму без конца теребила Маруська. Она то скакала рядом, стараясь заглянуть ему в лицо, то бежала прямо перед ним спиной вперёд, раза два чуть не упала. Всё время требовала новых и новых рассказов о всемирной выставке, которая, как выяснилось, почти полностью состояла из Тёминых изобретений. Если бы кто-нибудь из его учителей, или одноклассников, или даже школьников классом ниже (и не отличников, а каких-нибудь упёртых троечников), услышал его рассказы, то Тёме пришлось бы от позора не только уходить из школы, но бежать в другой город.

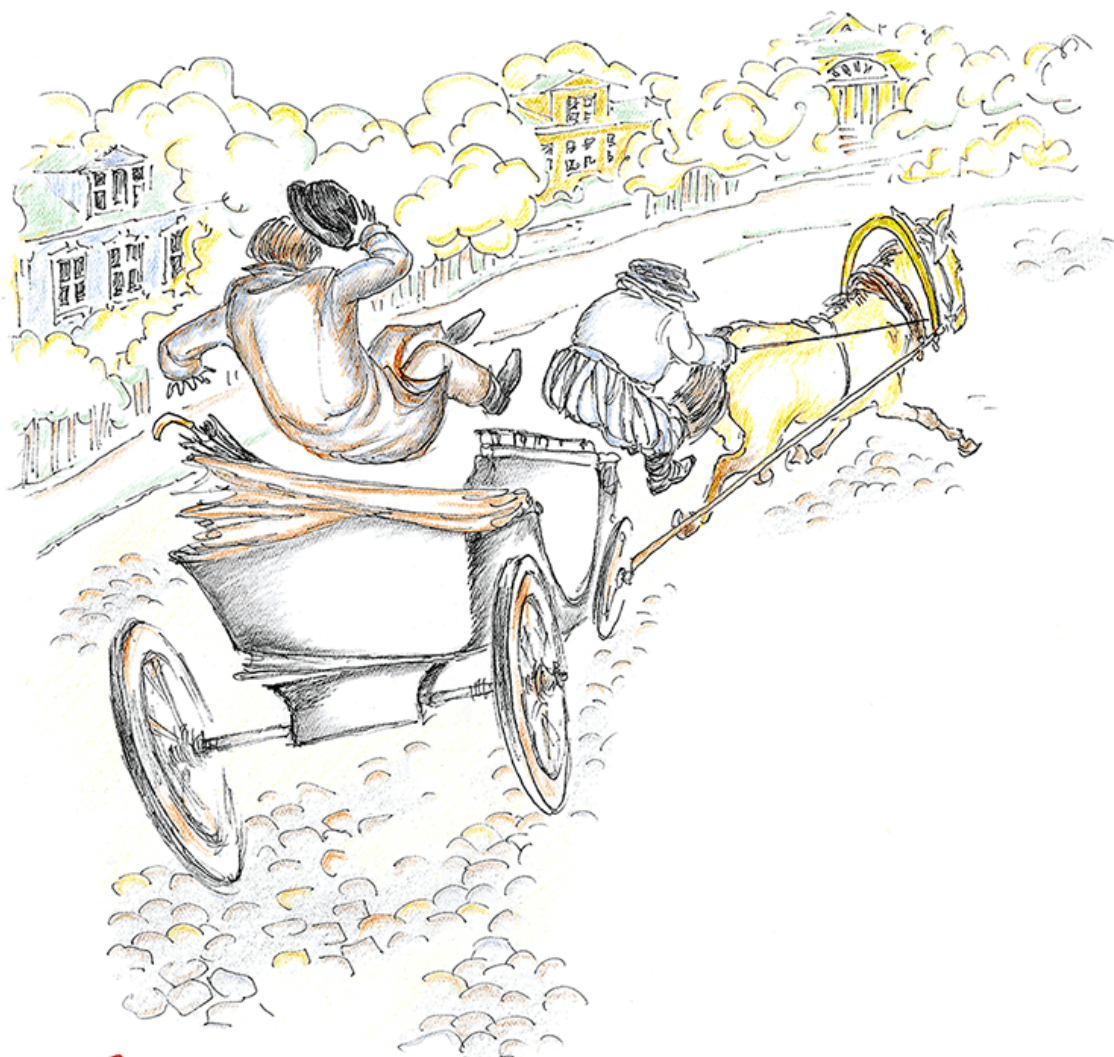
Например, Тёма рассказал, что он придумал «телевизор» – можно сидеть у себя дома и видеть происходящее за сто тысяч километров.

– А как же это работает? Это значит, даже если через каждый километр, то сто тысяч зеркал надо расставить? – с усмешкой покачал головой Стёпка.

Тёма снисходительно улыбнулся.

– Дело в том, что картинка сворачивается в трубочку и передаётся по проводам с помощью специальных частиц, ну, в общем, пикселей.

Улица Тёмной улице от лес казаг.

↗ Бульварная мостовая

Он очертил в воздухе нечто, что, по его мнению, походило на пиксель.

– Но вы, конечно, не поймёте. Или вот «пылесос»...

Маруська захохотала, запрыгала:

– Пыль-сос, пыль-сос... Он что, пыль сосёт?

– Представьте себе, да.

– И что, тоже за сто тысяч километров? – саркастически предположил Стёпка.

Но вместо ответа Тёма простёр руку и объявил:

– Сейчас за этим поворотом будет большая площадь со сквером.

Тут засмеялись и Маруська, и Стёпка. Потому что ни площади, ни сквера за углом не оказалось, а прямо перед ними стояло двухэтажное казённое здание. Над входом висел транспарант «2-ой Губернскій Конгрессъ» и лозунг «Пернатые тоже люди». Маруська прошептала Тёме, что бабушка должна быть здесь.

Окна были высоко над землей, и как ребята ни подпрыгивали, ничего не было видно. Тогда Стёпка посадил Маруську на плечи, чтобы смотрела внутрь и рассказывала. Маруська сообщила, что внутри очень красиво. На стенах висят картинки с разными птицами. А ещё

сцена, как в театре. На сцене зелёный стол, на нём банки, банки, банки. А в них птичьи перья, разноцветные, синие, жёлтые. В углу – настоящий павлин, только хвост у него сложенный...

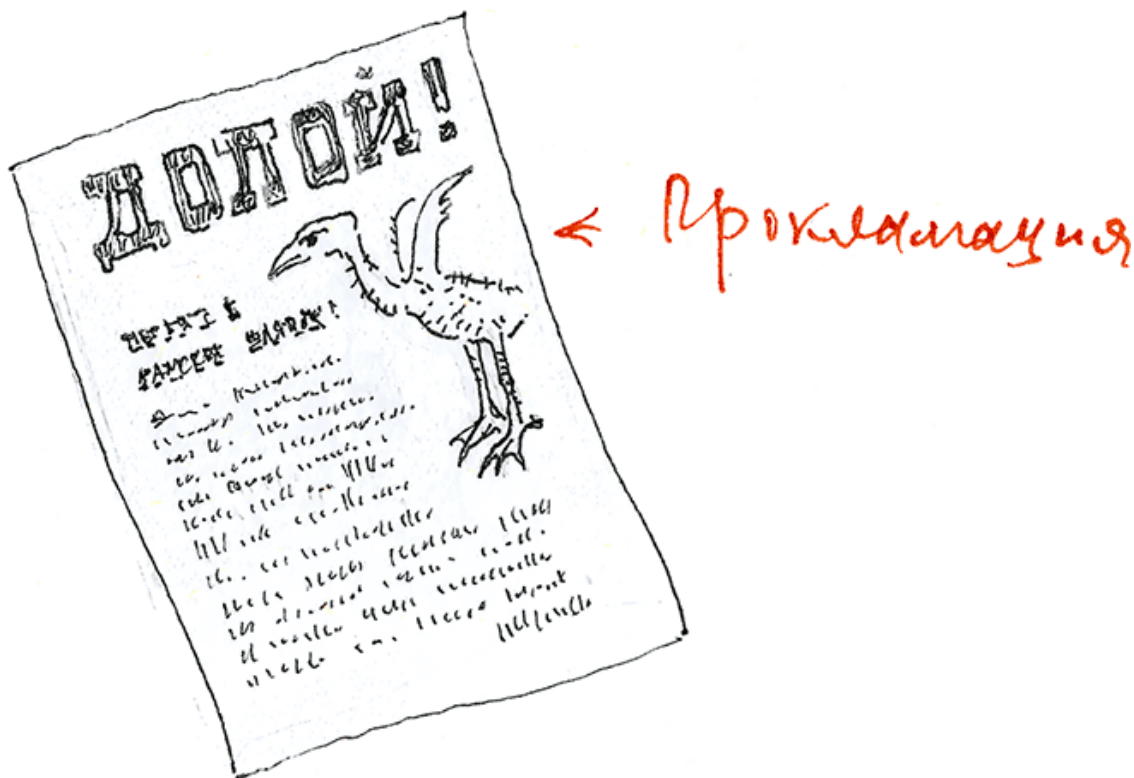

Стёпка, которому уже надоело её держать, нетерпеливо спросил, там ли бабушка. Маруська ответила, что из людей там одни пожилые тётеньки, а бабушки она не видит... Маруська говорила бы и дальше, но сзади раздался залихватский свист.

Они обернулись. Перед ними, держа за руль велосипед, стояла пожилая дама в клетчатом спортивном костюме – бриджах, гетрах, в мужской, тоже клетчатой кепке, и в пенсне. На шее у неё висел свисток на серебряной цепочке. А на плечах белели какие-то узоры. Приглядевшись, Тёма понял, что это засохший птичий помёт, как на памятнике Пушкину у их городской библиотеки. Над дамой вилась стайка пернатых – несколько воробьёв, дроздов, синица и три галки. Но её это совсем не беспокоило. Дама засмеялась, легонько дёрнула Стёпку за ухо, двумя пальцами прищемила нос Маруське и мельком скользнула взглядом по Тёме. Тёма очень удивился, увидев на левой руке дамы тонкой работы серебряное колечко: как будто две птичьи лапки держат большой, красивой огранки изумруд. Значит, дама эта была Марья Владимировна? Ну совсем непохожая на барышню с дагерротипа, который показывала ему бабушка!

Марья Владимировна

Марья Владимировна сунула Стёпке сумку с пачкой каких-то прокламаций, сняла у него с плеч Маруську и поставила её на землю, на лету чмокнув в щеку. Переливчато дунула в свисток, бойко разогналась, перекинула ногу и поехала. Стайка птичек выстроилась углом, как мотоциклетный эскорт, и полетела за ней.

Стёпка, Тёма и Маруська побежали по тротуару вслед за дребезжащим по булыжникам велосипедом.

Маруська на бегу, подпрыгивая, размахивая руками и захлёбываясь словами, кричала:

– Бабушка, этот Тёма, он – мальчик, но он не только, он посол выставки, он всё-всё-всё умеет...

Бабушка затормозила, свистнула, указала Стёпке на фонарный столб. Стёпка вытащил из сумки, висящей на плече, и привычно нашлёпнул на столб листок с рисунком ошипанного орла и крупной надписью «Долой!». Процессия проследовала дальше.

– Так он всё может! – продолжала Маруся. – Он такую штуку придумал, картинка сворачивается в трубочку, а потом всё видно, представляешь?

Бабушка молчала, и непонятно было, слушает она или нет.

– И ещё такую штуку, – захлёбывалась на бегу Маруська, не отставая от бабушкиного велосипеда, – которая откуда хочешь всякую там пыль, песок высасывает, ну, вроде как ест!

– Не-не-не ест, а ку-ку-ку-кушает, – поправила Мария Владимировна, заикаясь на бульжниках. Она засвистела. Стёпка остановился и прилепил прокламацию на стекло аптечной витрины, за которой тускло мерцали пыльные разноцветные бутылки.

– Он всё-всё может, – на этих словах Маруська даже подпрыгнула. – А вот ключ, такой, как наш, – никак!

Это сообщение Маруська проиллюстрировала печальным всплеском рук и отчаянием на физиономии.

– Ну, хрустальный ключ! Тёма за ним специально приехал. Ключ на выставку нужен, до захода солнца, и сказали, что только ты можешь его сделать!

Не отвечая, Марья Владимировна свистнула, затормозила у «Кондитерской Мадам Ящиккофф», ловко спрыгнула с велосипеда. Сопровождающие её птички резко остановились в воздухе и спланировали на карниз крыльца, усевшись на нём в ряд по росту.

– Дети, заходим. Будем пить венский какао с марципанами, – скомандовала бабушка. – Степан, а ты подожди.

Маруська вприпрыжку побежала в кондитерскую, Тёма двинулся было следом, но увидев выражение лица, с которым Мария Владимировна подступала к Стёпке, остановился в дверях.

Бабушка цепко схватила Стёпку за плечи, приподняла и поставила прямо перед собой.

– Что с ключом, говори честно? Вы его потеряли? Сломали?

Стёпка горестно вздохнул, поник головой и прошептал:

– Разбился. Я разбил.

– Ты понимаешь, что ты наделал? Нет, ты не понимаешь, что ты наделал! Сейчас на земле нет человека, который может сотворить второй такой же. Последним был мой дедушка Иван Степанович, царство ему небесное...

К ним свободной походкой подошёл Тёма.

– Простите, что вмешиваюсь в частный разговор, – сказал он как можно вежливее и обращаясь исключительно к Марии Владимировне. – То, что Иван Степанович умер, – это пустяки. То есть, извините, конечно, горе, но для нас – совсем не проблема. Так как я являюсь послем всемирной дирекции всемирной выставки, у меня есть особое транспортное средство... – Он показал латунные часы. – Имею возможность перемещаться во времени и пространстве. Так что прямо сейчас, не теряя ни минуты, могу отправиться к уважаемому Ивану Степановичу, если не возражаете.

Кондитерская "Мадам Элизекофер"

И Тёма тихонечко присвистнул, чтобы Марье Владимировне было понятнее. Мария Владимировна осторожно взяла у него часы, и, глядя на них, задумчиво произнесла:

– Значит, ты действительно сможешь его увидеть?

– Ну конечно, – бодро воскликнул Тёма. – Этот аппарат, только с виду напоминающий часы, могу сказать вам по секрету, мною изобретён для...

Но Мария Владимировна, видимо, его не слушала. Потому что продолжила так же тихо и задумчиво:

– Когда ты его увидишь, попроси, пожалуйста, за меня прощения. Я на деда обиделась ни за что, маленькая ещё была, а извиниться не успела, он умер. И ещё передай деду деревянного ангелочка, который у меня в детской под кроватью лежал.

Она помолчала, разглядывая часы, потом отдала их Тёме.

– Помни, нужно успеть до захода солнца!

И, словно очнувшись, вскинула голову, хлопнула в ладоши, громко объявила:

– Все за мной, пьём какао!

Бодро пошла внутрь. Тёма двинулся было за ней, чтобы подкрепиться перед дорогой, но Стёпка остановил его.

– Ну-ка, дай посмотреть!

Тёма достал часы и, не выпуская из рук, показал Стёпке. Тот рассмеялся:

– Ну и как это тебя перемещает?

Тёма объяснил, что нужно разбежаться, подпрыгнуть и перевести стрелку назад.

Стёпка покачал головой.

– Ну ладно, когда ты мне и дурочке Маруське про свои «телесосы» заливал. Но врать взрослому человеку, что умершего дедушку увидишь! За это знаешь что полагается!

Тёма возмутился.

– Хочешь сказать, что я вру! Да что ты вообще понимаешь! Всё, что умеешь, – в куклы играть да ключи разбивать! В ножки бы мне поклонился, что я тебя, дурака, выручаю.

Стёпка выслушал это. Покраснел, засопел, шмыгнул носом, потом крепко взял Тёму за рукав футболки и негромко, но грозно предложил пройтись к реке поговорить, заодно испытать часы в действии.

Тёма, в отличие от собственного папы, трусом себя не считал, а был согласен с мамой, полагавшей его пацифистом. Но сейчас, почувствовав, как Стёпкины пальцы крепко стянули рукав футболки, он понял, что дипломатические переговоры вряд ли уместны. И, ощущая лёгкую дрожь в коленях, усмехнулся и независимой походкой последовал за своим новым приятелем на берег реки.

↗
Бабушка,
толосквинная
девушка в реке.

На берегу никого не было, только с мостков полоскала бельё какая-то бабка. Она без интереса поглядывала на сцепившихся в драке мальчишек – одного в летней гимназической форме, а другого – в чудных коротких штанах и майке с цифрой семь. Гимназист очень ловко повалил «седьмого» на траву. Отобрал у него какую-то жёлтую коробку – не коробку, во весь дух побежал с ней вниз по косогору. Подпрыгнул, повертел пальцем в коробке, как будто чай в стакане размешивал, и, как лягушка, брякнулся на землю...

Стёпка встал, подобрал валявшиеся в траве часы и, проходя мимо Тёмы, швырнул их ему. Но в руках Тёмы часы засветились золотом, циферблат обвили лавровые листья. Стёпка замер с открытым ртом.

Пацифисты не любят сражений, но это не значит, что им не нравятся победы.

– Подойди! – не глядя на Стёпку, сквозь зубы процедил Тёма. – Теперь помощи встать! И отряхни там сзади.

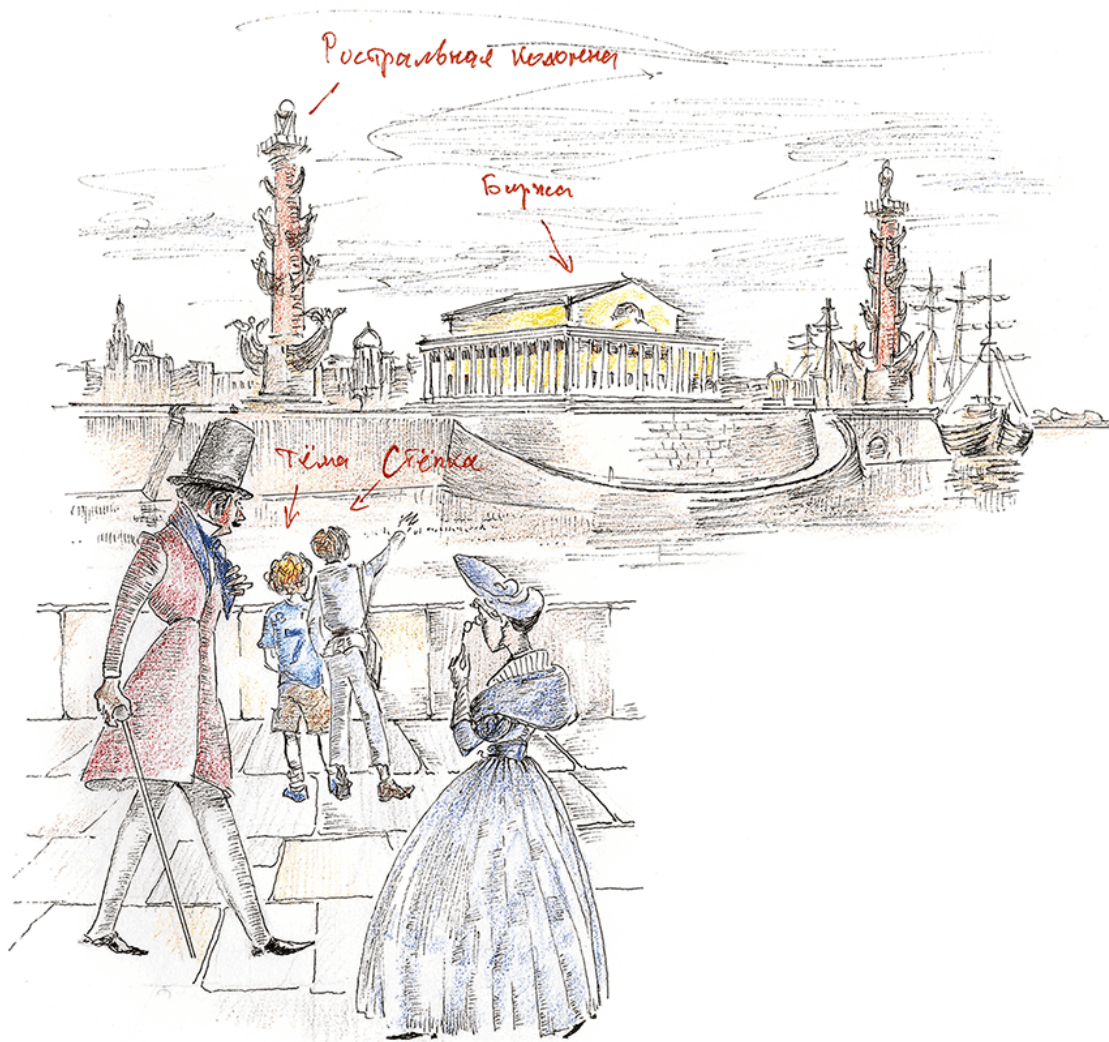
Стёпка послушно, подобострастно даже, исполнял все приказания. Тёма, не оглядываясь, поднялся вверх по кособогу, остановился. Прикрикнул, чтобы Стёпка подошёл поближе и взялся за Тёмин рукав.

Бабка с бельём увидела, как мальчики побежали вниз, подпрыгнули и растворились в воздухе над водой. Бабка перекрестилась и замерла, как была, на коленях. А простыня, которую она полоскала, уплыла вниз по реке.

Глава восьмая

Тёма и Стёпка стояли на широкой гранитной набережной, напротив роскошного особняка, в высоких окнах которого отражалась красная крепостная стена, за ней – трёхъярусная колокольня с золочёным шпилем. Стёпка ошалело пробормотал:

– Петропавловская крепость, архитектор Трезини...

В Петербурге ни Тёма, ни Стёпка никогда раньше не были. Но Стёпка в своей гимназии учился хорошо, а Тёма, мягко говоря, не очень, и поэтому ничего не знал ни про какого-то там Трезини, ни про крепость. И напрягся, ожидая Стёпкиных расспросов. Впрочем, для таких случаев у него было заготовлено объяснение: «Когда это проходили, я болел». Но Стёпка, продолжая оглядываться, бормотал себе под нос:

– Биржа, архитектор Тома де Томон... Академия наук, Кваренги... Ростральная колонна, скульптор Тибо...

Слава богу, архитектурные познания Стёпки на этом закончились, иначе Тёме пришлось бы рассказывать про какую-нибудь полугодовую скарлатину с карантином. Увлекла обоих толпа на набережной. Мальчишки, разносчики, простолюдины – все торопились куда-то в одну сторону. Туда же из зеркальных дверей особняка смотрел величественный швейцар. Строем пробежала рота солдат.

Рота солдат, шествующая на площадь

– Ты смотри, в киверах⁵! – изумился Стёпка. – Как в войну с французами! Какой же это год?

– Не помню, – небрежно сказал Тёма. – Когда эту войну проходили, я болел.

Он, не глядя, сунул Стёпке часы:

– Отвечаешь, инструмент нежный.

Стёпка осторожно уложил часы в сумку. После того как он увидел изобретение в действии, он проникся к новому своему другу совершенным благоговением и передал себя Тёме в полное и абсолютное подчинение.

Из окон особняка раздался знакомый звон разбившегося ключа. Стёпка вздрогнул и вопросительно посмотрел на Тёму.

– Ну вот, – сказал Тёма. – Ты видишь, что ты наделал? Ключ разбил, так теперь он во всех временах бьётся.

– Как это? – не понял Стёпка.

– Вот так! У него такое измерение есть, четвёртое или даже пятое, что он сразу во всех временах существует. Ну, а как кто-то в одном времени разбил, так он сразу везде и разбился. Вот, братец, каких ты дел натворил, расхлёбывай теперь твою кашу!..

Тёма решительно направился к особняку. Стёпка потянулся следом. Но тут из-за поворота на набережную с грохотом вылетела карета, запряжённая четвёркой лошадей. Карета сверкнула стёклами, с запяток погрозил двухметровый гайдук⁶, Стёпка еле успел отскочить к парапету. Бабушкины прокламации выпали из сумки и разлетелись по мостовой.

---

⁵ Кивер – твёрдый высокий головной убор в русской армии XIX века.

⁶ В XIX веке так назывался телохранитель важной персоны.

Из полосатой будки выскочил будочник и древком алебарды указал на один из листков. Стёпка поднял и, пожав плечами, подал ему. Будочник долго моргал, шевелил губами, потом лицо его просветлело, и он громко и радостно прочёл по слогам:

– Долой!

Но тут до него, видимо, дошёл смысл прочитанного. Глаза его округлились, он схватил Стёпку за рукав. Стёпка вырвался, отскочил в сторону. Будочник засвистел, заорал:

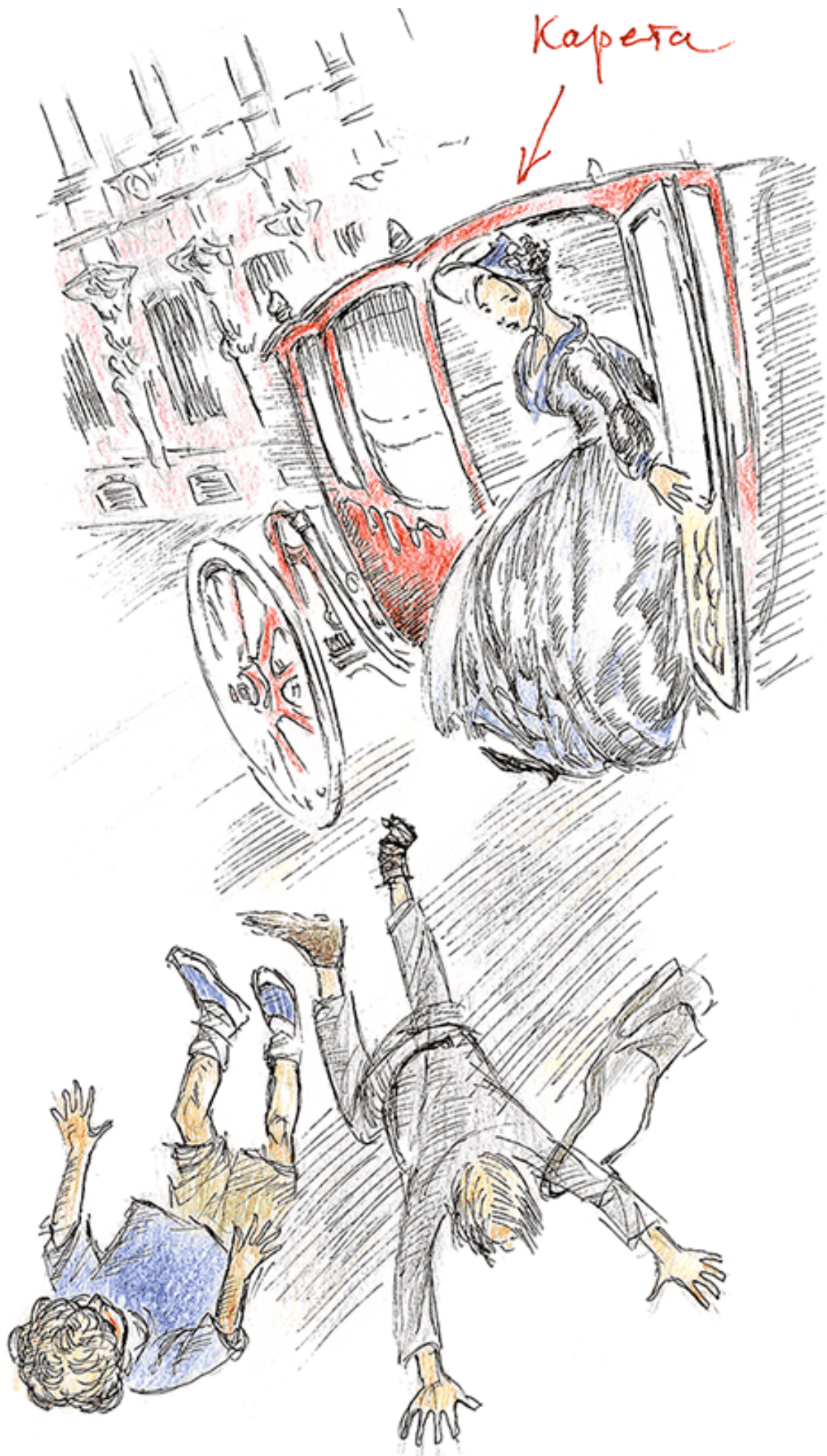
– Держи его!

Стёпка метнулся прочь. За ним, грузно топая, погнался будочник с алебардой, крича «Бунт! Стой! Держи его!». За будочником бежал Тёма, а за Тёмой – привлечённая свистками и криками, становящаяся всё больше толпа прохожих.

На Невском проспекте Тёма обошёл будочника и нагнал Стёпку. Теперь они неслись вместе. Стёпка на бегу говорил отрывисто:

– Адмиралтейство, архитектор Захаров... Казанский собор, архитектор Воронихин....

Тёма поинтересовался, не умеет ли Стёпа убежать от будочников молча, но Стёпка не услышал и продолжал бормотать. Мальчики пересекли улицу, свернули на тротуар перед богатым дворцом и, не сговариваясь, нырнули в стоящую у подъезда карету. Погоня промчалась мимо.

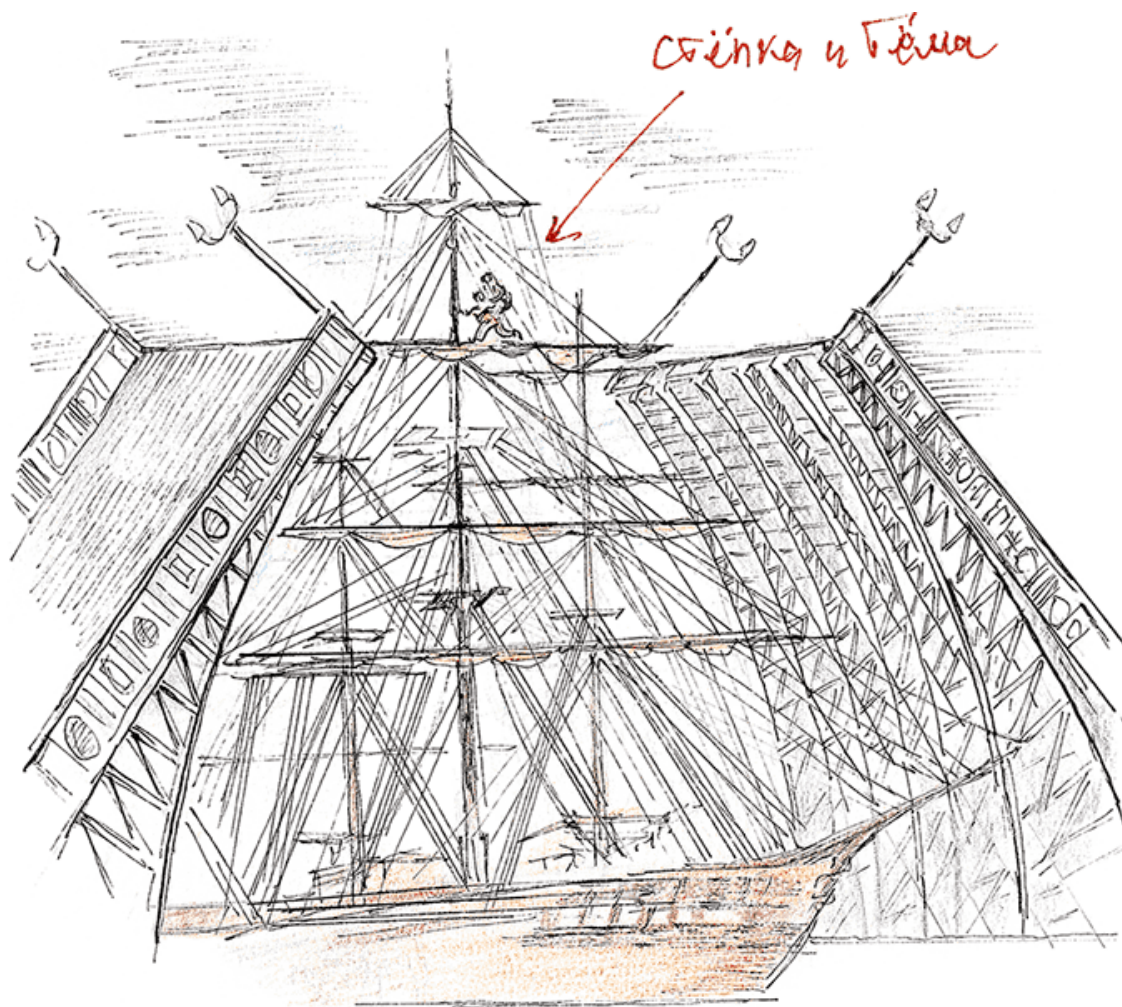
Распахнув дверь кареты, разъярённая молодая дама вытолкала мальчиков наружу.

– Дворец Белосельских-Белозерских, Тома де Томон, – сказал Стёпка, шлёпнувшись на булыжники.

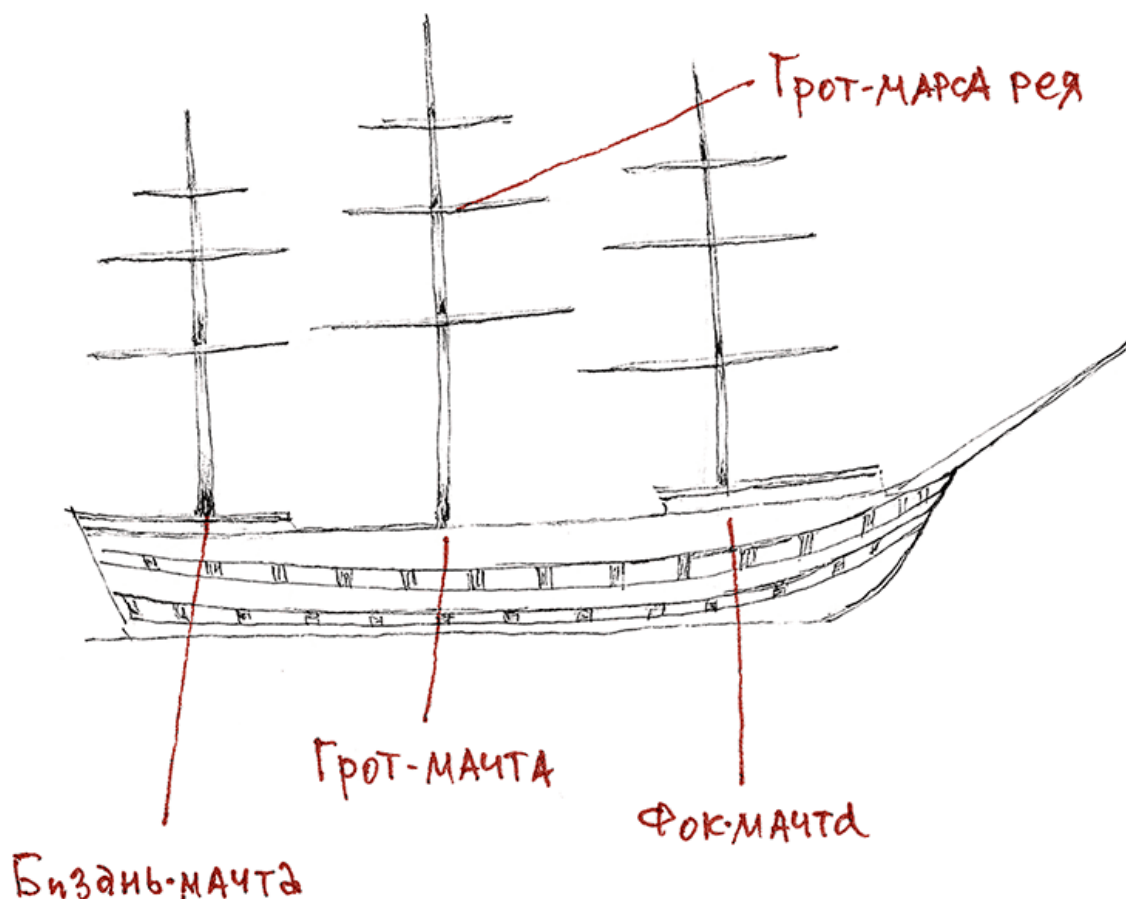
– Подумаешь! Я, может, правнука этих Белозерских знаю. Лично... – начал Тёма.

Но времени развить эту мысль у него не было. Дама кричала и звала на помощь, и к карете уже бежали будочник и толпа. Мальчики вскочили и рванули вдоль Фонтанки к Неве.

Они подбежали к мосту как раз в тот момент, когда мост разводили, чтобы пропустить новенький, только что с Адмиралтейской верфи, парусник. Преследователи были совсем близко. Мальчики взбежали на поднятое крыло моста и остановились на краю – деваться было некуда. Величественный корабль медленно двигался между вздыбленными половинами моста. А снизу карабкался, опираясь на алебарду, злорадно ухмыляющийся будочник. Тогда Стёпка подхватил Тёму на закорки и по грот-марса рее⁷ парусника, пришедшейся вровень с краями моста, перебежал на другую сторону.

⁷ Грот-марса рея – это верхняя рея самой высокой мачты парусного корабля.

Они кубарем слетели на набережную, отдышались. Преследователи грозили кулаками с того берега. Корабль удалялся. Тёма успел прочесть на борту надпись «Паллада».

– Фрегат! – сказал он небрежно Стёпке. – По стенгам видно и по такелажу⁸.

– Как, вы и это знаете? – удивился Стёпа.

Тёма помолчал, прищурившись, глядел вдаль. Поговорил задумчиво:

– Море – это вода и небо.

И так же задумчиво прочитал стих:

– Ты морячка, я моряк,
Ты на суше, я на море,
Мы не встретимся никак.⁹

На самом деле, он совсем не разбирался ни в видах кораблей, ни в их парусном оснащении, просто где-то когда-то слышал эти слова – «такелаж», «Фрегат «Паллада»¹⁰, «стенги». А моря вообще никогда не видел.

Какое-то время шли молча. Стёпка набрался смелости, шмыгнул носом, кашлянул:

⁸ Стенги – это часть мачты, её удлиняющая; такелаж – общее название всех тросов, канатов и верёвок на парусном судне.

⁹ Стихотворение О. Газманова.

¹⁰ «Фрегат «Паллада» – роман И. А. Гончарова о путешествии на фрегате с таким названием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.